

Сергей Клочков

[НОВАЯ ЗОНА]
В РАЙ БЕЗ ОЧЕРЕДИ

Апокалипсис-СТ

Сергей Ключков

Новая Зона. В рай без очереди

«АСТ»

2014

Клочков С. А.

Новая Зона. В рай без очереди / С. А. Клочков — «АСТ»,
2014 — (Апокалипсис-СТ)

Тихий, давно покинутый людьми Город. Патрули по окраинам, красно-белая лента «волчанки», туман и тишина. На пустых улицах и в покинутых домах притаилась смерть, многоликая, непонятная, невидимая. И одинокий бродяга, прежде чем переступить незримую границу мертвых земель, что-то шепчет себе под нос, прислушиваясь к шуму далекой патрульной машины. Зачем он идет туда, всякий раз рискуя жизнью? За деньгами, чтобы прокормить семью, или за адреналином, азартом, или просто в поисках свободы от опостылевшей серости быта? Он никогда не найдет ответа на этот вопрос, да и не ищет он его, если честно. Для него давно уже понятно и так, что сталкеров в рай пропускают без очереди...

© Клочков С. А., 2014

© АСТ, 2014

Сергей Ключков

Новая Зона. В рай без очереди

© С.А. Ключков

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

* * *

Лето в этом году выдалось на удивление мягким и ласковым. Я глубоко вдохнул теплый, вкусный воздух августа, приправленный ароматами некошенной травы. Сама собой возникла соблазнительная мысль, что неплохо было бы забросить все дела на недельку, а то и полторы, и рвануть на природу, взяв на прицеп Ботаника с парочкой смешливых девчонок не интима ради, а веселия и хорошего настроения для. Впрочем, если веселие это и до более тесного общения дойдет, то ноты протеста такой похвальной инициативе веселые девы с моей стороны точно не получают. Поддержу, как говорится, на всех уровнях. Затовариться у частников продуктами, свежим мясом для шашлыка, не забыв при этом сок испанской солнечной лозы, и всей командой завалиться куда-нибудь в дальнее, очень дальнее Подмосковье. На реку, с ночевкой, пока вода еще хранит летнее тепло, отрубив на это время все связи с цивилизованным миром, чтоб даже если искали, то не нашли. Хорошо сейчас, отличная стоит погода, бархатная. Нет уже той духоты и жары, которыми отличались теплые месяцы в первые годы после Катастрофы, хотя зимы в Москве по-прежнему не приносили с собой снега и сколь-нибудь значительных морозов – этакий затяжной ноябрь до самого апреля. Эх-х... послать бы все действительно на фиг. Душа требовала леса, реки и рассветов. Но я уже знал, что Ботаник не согласится, у него, значит, интернет, компьютер-тяжеловес и сеть сталкерская, за которой глаз да глаз. И «веселых девчонок», таких, чтобы с удовольствием на речку рванули, а не в сотрясающийся от басов клуб с мажорами, коктейлями и «кру-утыми та-ачками, да», теперь днем с огнем не найдешь. Ну а с теми красотками, которым «на речке ску-уучно, беспонто-ово, ко-ома-ры-ы», мне будет скучно и «беспонтово» тем более. Разве что комаров лично мне терпеть будет гораздо легче, чем их компанию, – мелких кровососов хотя бы прихлопнуть можно. Неплохо было бы и просто на рыбалку смотаться, но остается последняя засада – денег нет. Вообще. По крайней мере пока нет, значит, отменяются любые, даже самые бюджетные поездки. Я снова глубоко втянул запах позднего лета, потянулся и осторожно перевернулся на спину, стараясь не потревожить

высокие заросли тимофеевки и ветви нестриженной сирени. Отдыхай, сталкер, хоть так, пока есть возможность. Пользуйся.

Неожиданный и в какой-то степени вынужденный отдых позволил немного отвлечься от насущных думок и просто полежать в высокой траве, глядя сквозь прогалы листвы на неспешно плывущие гряды облаков и осколки яркого синего неба. Тихо, спокойно все, листва шелестит – мирное летнее утро в еще не проснувшемся поселке. Сразу и не скажешь, что людей тут четыре года как нет. Но это на первый взгляд. А вот если присмотреться, то видно, как разрослись бывшие клумбы у тротуаров, и высокий бурьян закрыл нижние окна домов, от чего в квартирах первых этажей даже днем царил влажный зеленоватый сумрак. Некому было подрезать ясени и липы по обочинам дорог, и за годы без человека бывшие парки и скверы все больше напоминали лес. И ни выхлопов тебе автомобильных, ни дыма из заводских труб – чисто вокруг Города, воздух посвежел, даже вроде по ночам звезды намного ярче стали, и луна по-другому светит. И теплый ветер со стороны МКАД, который приносил странные, неприятные запахи, а молодой месяц над Городом краснел и окружал себя бледной радугой – как, например, сегодня перед самым рассветом. Верный, кстати, признак, что скоро будет Прилив и разлеживаться особо не стоит. Мало ли...

Впрочем, валялся я в летней травке не просто так. Причина моей внезапной лени находилась от меня в каких-то ста метрах, прямо за облезлой и выцветшей лентой «волчанки» – власти уже давно поняли бесперспективность долговременных укреплений вокруг Зоны. Границу аномальных территорий обозначали теперь пластиковая ленточка и переносные щиты с предупреждающе-угрожающими надписями да еще сенсоры, достаточно неплохо замаскированные в траве и густом кустарнике. Да, признаю – очень неплохо. Видимо, я и прощелкал один такой, когда перебирался в темный предрассветный час на территорию, на которой в общем-то мне делать было нечего как с точки зрения закона, так и элементарного здравомыслия, молчу уже о присущем каждому неглупому примату инстинкте самосохранения.

«Волк» примчался буквально за сорок секунд – видимо, находился неподалеку в ночном патруле. Мне пришлось как следует припустить по зарастающей шоссейке в сторону бывшего подмосковного поселка, в очередной раз понадеявшись на «авось» – бегать в темноте по местности, которую то и дело захлестывают Приливы, для здоровья не полезно совсем. Витек Италия вот тоже так побегал от военных – парни рассказывали, что бедолага метров пять на берцовых костях проскакал, прежде чем свалился. Ну и подобрали его армейцы, которые, к слову, вместо стрельбы, положенной по новому уставу, парня до больницы повезли. И ведь довезли вояки, жизнь-то ему спасли, хотя ступни, в «мокрое пятно» попавшие, понятно, даже самолучшие хирурги обратно бы уже не приделали. Наверно, потому и срок Витьку дали условный, хотя за сталкерство можно по нынешним временам отхватить лет семь «строгача», но судья решил, что парень и так уже достаточно наказан. Шиш там... купил Италия себе протезы американские и через год, кое-как, с трудом, ходить научившись, опять в Москву полез за прибытком. На этот раз – с концами...

Ох и страшно бегать в темноте, ребята. Да, не глубокая Зона это еще, окраина, до МКАД километров пять, не меньше, и шансов во что-нибудь мерзопакостное наступить немного. Но все равно – и мураши по всей спине, пот холодный, и при каждом шаге очень неприятно так сжимается где-то в районе желудка, даже подташнивает. Говорил ведь Италия, пусть спокойно спится ему, чтоб не бегали мы по этой земле, нельзя здесь бегать ну никак. Однако ежели засекут меня с «Волка», да еще и на видео снимут регистратором – все, отпрыгался Фрилансер с гарантией. Поэтому, когда нырнул я в бурьян за пару секунд до того, как туман осветился фарами, и за эти же пару секунд убедился, что организм мой в полном комплекте и нигде ничего не болит, облегчение было ну очень приятным. Вроде бы ничего не цепанул во время пробежки. Вроде.

«Волк» приглушил двигатель и начал планомерно облизывать пространство лучом мощного прожектора. Овальное пятно света ползало по стенам облезлых двухэтажек, ныряло в провалы окон заросшей котельной, у дороги изредка вспыхивали зеленую стекла битых бутылок. Я был спокоен – и бурьян, и трава были достаточно густыми для того, чтобы меня нельзя было обнаружить. От тепловизоров же толку было еще меньше – если за пределами аномальных территорий человека можно было засечь чуть ли не за километр, то здесь слишком много помех. Если бы автомобиль военных пересек «волчанку» да подъехал поближе, то да, мои шансы уйти очень быстро приблизились бы к нулю – среди тепловых пятен определить силуэт человека стало бы проще простого. Но нет, не поедет сюда патруль без прямого приказа, а вояки совсем не дураки, чтоб докладывать о возможном нарушителе – ну, очень не хочется военным пересекать красно-белую ленту. Страшно им, и это несмотря на то, что «Волк» увешан детекторами дальнего действия, а на крыше помимо тридцатимиллиметровой авиационной пушки, спаренной с пулеметом, имеется особый локатор, издавелека напоминающий тощего Чебурашку с лихорадочно вертящейся головой. Слышал я, ученые гарантировали военным, что локатор этот засекает любой аномальный очаг за сотню метров, а формы псевдожизни – за пятьдесят, однако те же самые ученые всего два года назад «гарантировали», что границы Московской Зоны стабилизировались, и расширяться она не собирается. Вот и сидят бойцы в бронированной машинке, даже носа на улицу не кажут, хотя за лентой и аномалий нет, и тварей вроде как тоже. Да, страшно бойцам – что сами видели, что старички рассказали, да в общем-то любому нормальному человеку страшно должно быть здесь до дрожи в коленках. Только Зона – она ведь такая, видимо, нарочно для ненормальных сделана.

Стоит машина. Четвертый час стоит за «волчанкой», мотор заглушен давно – должно быть, решили военные здесь «допатрулировать» остаток смены. Ничего, подождем... поспать бы, пользуясь случаем, да вот нельзя тут дрыхнуть, если без напарника да вне надежной норы. И время тянется долго-долго... Когда же их черти уже унесут? Хоть бы какой сенсор сработал в километре отсюда, но нет – за последние годы немного осталось тех, кто в Москву лезет, и еще меньше тех, кто оттуда возвращается. И на лосей с зайцами надежды нет – ушли звери из окрестных лесов в первый же год Катастрофы и возвратиться не обещали. А солнце припекает, камуфляжка на спине уже ощутимо прогрелась – и это несмотря на то, что сверху на меня падали только отдельные лучики. В густой путанке травы заскрипел одинокий кузнечик, необычно крупный, с выгнутыми лапками и деформированным туловищем. Что ж, здесь это бывает... и было бы неплохо, чтобы только кузнечиков меняли местные земли. Хорошо еще, что вблизи этого подмосковного поселка кладбищ нет да эвакуация прошла вовремя и четко. Не так опасно в этих местах, даже аномалии встречаются не в пример реже, и на тварь какую нарваться сложно. Хотя, если начистоту, на тварей я за все два года вылазок ни разу всерьез не нарывался – надеюсь, так оно и дальше будет.

«Ну че, есть тут кто? – рявкнул вдруг динамик машины так неожиданно, что я даже дернулся всем телом. – Короче, придурь, если ты там где засел, то лучше вылезай. Не тронем, обещаю. По датчикам тут скоро зальет, сдохнешь ведь!»

Гнусавый голос динамика звонко пролетел по пустой улице, отразился далеким гусиным криком от корпусов ткацкой фабрики и умолк где-то высоко в небе. После его механического рявканья тишина брошенного поселка показалась особенно ватной.

«Па-автаряю. Стрелять не буду! Слышь, придурь, уходи лучше, мы не заметим!»

И тут же немного тише, но все равно было слышно до того, как отключился громкоговоритель: «Да нет там никого, тарих капитан». Хорошая техника у военных. Чувствительная. Я даже усмехнулся про себя. Потеряли меня или же просто не уверены в том, «был ли мальчик». А что сенсор сработал, так мало ли объектов человеческих размеров и форм по границам Зоны шатается. Объектов, которых, в общем, лучше и не видеть, чтобы потом был крепкий хороший сон и относительно здоровая психика. Хоть и гнусавит «матюгальник» на крыше «Волка»,

искажая речь, но слышны, очень хорошо слышны в голосе «тарища капитана» неуверенные нотки.

Где-то совсем рядом, похоже, прямо за ближайшим домом, вначале громко хрустнуло, а потом и вывалилось наружу окно – осколки звонко посыпались в бурьян. Мгновением позже последовал мягкий удар и короткий треск веток. «Чебурашка» на крыше армейского автомобиля перестала крутиться, и круглые «уши» буквально наострились в сторону шума. Несколько секунд на локаторе мигали красные светодиоды, и машина, поспешно развернувшись, довольно резво скрылась – водитель, что называется, «дал по газам». Я прислушался, но, кроме затихающего звука двигателя, ничего не запеленговал. В поселке снова стало тихо – ни хруста ветки, ни шороха, успокоился даже легкий ветерок, до этого лениво шевеливший пыльные листья.

«Чтоб тебе охрипнуть, debil», – мысленно прошептал я благословение «тарищу капитану». Воякам-то хорошо за броней с мотором – поорал да уехал. А то, что здесь шуметь, мягко говоря, для здоровья не полезно, они и чихать хотели. И, видать, не так гладко эвакуация прошла, как в документах значится. Очень сильно надеюсь, что нечто, выпавшее из окна, там же и останется, а не начнет бродить поблизости. Ну, не хочу я это видеть даже в том случае, ежели оно не агрессивно и бросаться не будет. До холодного пота не хочу. Ну а пока осторожно, стараясь не шуметь, подняться, растереть затекшие от долгого лежания руки и вытащить из рюкзака обрез. Старая «ижевка» двенадцатого калибра с полностью облезшим ложем и почему-то сплюснутым у самого дула стволом досталась мне даром. Марь Степанна, алкоголичка из сто тридцатой квартиры, приперла мне это ружье в прошлом году, причем за так. Обдав лицо тяжелым водочным духом, она вручила мне «ижевку» с каким-то особенным пафосом, с усилием моргнула и гаркнула: «Владей, сынок!» После чего четко развернулась на каблуках стоптанных домашних туфель, покачнулась и, буркнув напоследок «только это, мушку там спили», скрылась. Совету я последовал, срезав вместе с мушкой и поврежденный участок ствола сантиметров примерно пятнадцати, да заодно и треснутый приклад. Все остальное оказалось во вполне рабочем состоянии, и я приделал к внутренней части рюкзака длинный брезентовый карман, а к бывшей шейке приклада – широкую кожаную петлю, чтобы удобнее было выхватывать ствол. Незаконно, да, и незамысловато, и толку особого нет от огнестрела в Зоне, но насколько спокойнее мне было в такие моменты от ощущения настоящего оружия в руках...

Тихо, стараясь не щелкнуть рычагом, переломил обрез и загнал два пулевых патрона. Так же тихо закрыл, но оружие все же ощутимо клацнуло. Замер. Прислушался. Все тихо... пять минут. Десять. Пронесло? Эх, если бы все так просто было... Разлеживаться, однако, нельзя. Тихонько поднялся, осмотрелся. Никого, точнее, в этом случае скорее даже ничего нет. Пустая улица, тополя, солнце блестит в окнах, почти чистых, только начали они зарастать пылью и грязью без человека. И дальше идти нельзя, пока не проверишь, куда именно понесло того «выпаданца». Вдох. Выдох. И самым малым вперед.

Обогнул угол дома, еще немного постоял и послушал тишину. Бросил горсть камешков в показавшуюся немного подозрительной траву и пошел дальше. Окно увидел сразу: выдавленные изнутри рамы, длинный лоскут клетчатой ткани на стеклянных зубцах и несколько желтовато-коричневых потеков на старой штукатурке. *Он* был уже далеко, и даже странно, что я не услышал *его* шагов. Существо, когда-то бывшее человеком, подпрыгивая и раздавая во все стороны гротескные поклоны, быстро удалялось в сторону единственного на весь поселок девятиэтажного здания. Издалека *его* движения были похожи на запутавшуюся в нитях марионетку, с силой встряхиваемую раздраженным кукловодом. Я отвел взгляд и глубоко вздохнул. Не могу привыкнуть, хоть ты тресни. Всякий раз страшно. Хорошо хоть, что далеко *этот* ушел, иначе были бы проблемы. Некоторые бывшие трупы кидаются сразу, с утробным клекотом и бурой пеной из пасти. Другие молча стоят и пялятся пустыми дырками глаз, и только видно, как медленно поворачивается голова вслед твоим шагам – я их называю «смотрюками». Редкая походка

обходилась без того, чтоб не заметить белый или, напротив, буро-коричневый овал в темном окне. Третьи, как выразился Лихо, ветеран-сталкер еще из тех самых мест, «исполняют» – либо просто дергаются, либо натурально танцуют, подскакивая и размахивая остатками конечностей. И ведь что ни год, так новая разновидность этой пакости появляется – ну, неравнодушна Зона-зараза к самым разным мертвецам, лепит из них какие-то «матричные псевдоорганизмы», которые и не живые вовсе, а так, жизнь только имитируют. Прыгуны, навки, кикиморы и еще черт ногу сломит, сколько разных, старатели не успевают даже называть. Рассказывал мне Ботаник, который, кажется, вообще в курсе всех событий Зоны, что все эти зомби – какой-то фокус со временем плюс еще одна ерунда в информационном поле Зоны, от чего законы природы тут где узлами завязаны, а где и в клочья разорваны. И, с многозначительным видом очки поправляя, вещал, что, дескать, научная парадигма не подходит для изучения этой самой Зоны, и еще другими словами ругался, мне лично непонятными. Эх... когда-нибудь и я, наверно, вляпаюсь в такой вот «узел» из законов природы, и либо рожки да ножки в кусковом исполнении от меня останутся, либо вот такой же пакостью бродить начну. И вообще надо бы завязывать с такими мыслями, от них депрессия и несварение случаются...

Прислонившись к стене здания и на всякий случай осмотревшись, я убрал оружие и достал из рюкзака маленький стеклянный «фляжчик» коньяка – трофей с позапрошлого выхода, когда выволок я целую коробку таких вот пятидесятиграммовых бутылочек из разгромленного еще во время эвакуации супермаркета. Почти все вынесли из магазина, а вот небольшой закуток на складе почему-то обошли вниманием. Там-то и стояла полная коробочка в окружении пустой и уже заплесневевшей тары, и да, был там еще целый стеллаж с шоколадом, который, конечно, давно испортился и вонял какой-то пронзительной кислотой. Не стал я продавать спиртное, хотя по нынешним временам этот коньяк, пусть и в мизерных емкостях, быстро нашел бы своего покупателя. И об этом не пожалел.

Сладковато-горячий, немного терпкий глоток приятно согрел горло. Хоть и не хватило бы такой порции, чтобы немного расслабиться и дать алкоголю ударить в голову, да и не позволил бы я себе захмелеть даже от более солидного угощения. Пустая бутылочка улетела в кусты, я сверился с картой и, внимательно осматривая дорогу, медленно пошел вперед.

Семьдесят тысяч. Достаточно неплохой, по крайней мере лично для меня, повод в очередной раз рискнуть шкуркой. В принципе даже сейчас, в такие паршивые времена, я бы смог найти офис и бумажную работенку на эти самые пятьдесят-семьдесят в месяц. Не вопрос. Опыт таки есть, риэлторский, пока не погорела наша контора, причем по понятной причине – квартиры в Москве не просто обесценились, а, как бы это сказать, превратились в полностью неликвидный товар. Биг-босс, от жадности или же просто обалдев от свалившейся «халявы», начал буквально за бесценок скупать квартиры у бегущих из Города москвичей. Думал, видимо, сорвать впоследствии хороший куш и поэтому не просто ухнул все деньги фирмы, но и залез в кредиты. Мне лично хвастался тем, что за неделю до эвакуации умудрился сбить цену на трехкомнатную квартиру с шести миллионов до четырехсот тысяч, мол, смотри, как работать надо, и учись. Не знаю уж, на что он рассчитывал, но, насколько я помню, ни одной купленной за бесценок квартиры он так и не продал, мы все потеряли работу, а банки вытрясли из биг-босса все, что смогли вытрясти, и даже немного больше. Впрочем, успел я до краха конторы заработать несколько хороших рекомендаций и очень вовремя уволился, так что запросто мог бы уехать куда-нибудь в Сибирь, в тот же Красноярск, там сейчас и строительство вовсю идет, и спрос на жилье огромный. Но это если по уму... так ведь и хотел сделать, дурак. И испортил меня первый же фриланс, испортил окончательно и, наверно, уже навсегда. Остро и ясно, до мурашек по всей спине, до адреналинового пульса и сладкого сжатия в груди я осознал, что вот эта вот ночь у чахлого костра, усталость в ногах и плечах, запах дыма и вкус разогретой на углях тушенки просто не пустят меня обратно к выглаженным брюкам, строгому пиджаку и вежливой улыбке. Не смогу я больше видеть лампы дневного света и подписи с печатями, и не

потому даже, что в романтику потянуло, нет, или не хватает адреналина, или еще какая блажь – все оказалось намного проще. Я впервые за весь свой сознательный возраст почувствовал, что такое свобода, пусть даже и не вся, а самый краешек, но настоящая, крепкая и вкусная свобода. И в пику целой куче неписанных правил московских старателей, всех традиций, что были вынесены еще с той Зоны, я сам выбрал себе новое имя. И оно прижилось.

Теперь я Фрилансер. Или просто Ланс, хотя такое сокращение мне не совсем по душе. Вольный стрелок. Или просто сталкер, бандит и мародер с точки зрения власти, а на самом деле просто городской старатель подобно сотням других рискованных парней, то и дело мотающихся в Город...

Этот заказ я, как и большинство других похожих заданий, получил у Гены Ботаника. Бывший чемпион «вовки» российского масштаба, на счету которого был даже международный турнир, бывший же системный администратор нашей бывшей конторы, программист-самоучка и опять-таки бывший школьник-вундеркинд, чьи математические способности удивляли даже профессоров. И в какой-то степени неудачник – бесконечные часы онлайн-сражений за огромным трубочным монитором посадили зрение, вследствие чего Гена обзавелся большими очками, добавившими ему какого-то академического шарма. Феноменальное математическое дарование с возрастом почему-то стало просто дарованием – хорошо «рубил» Ботаник в математике и физике, очень хорошо, но уже на уровне обычного специалиста – выпускника технического вуза, кем он, собственно, и являлся. Про контору вообще молчу – в этом плане мы друг от друга не отличались, разве что я уволился сам, а его уволили со всеми вместе, причем даже без копейки расчета. И болтались мы с Геннадием, с которым успел я сдружиться за время работы, где-то с полгода по общагам, знакомым и, наконец, на квартире сводного брата. Ботаник характер брата долго выносить не смог и, когда появились деньги, снял в Подмоскovie облезлую однушку, куда со временем перебрался и я. Причем эти самые деньги появились не без моего участия – Гена нашел заинтересованных лиц, а я, соответственно, сделал свой первый фриланс...

На этот раз клиентов было трое. Две интеллигентного вида старушки, похожие друг на друга как сестры-близнецы – я так сначала и подумал. Виолетта и Ангелина Владимировны и впрямь были сестрами, но с разницей в два года. Третьим был их племянник Павел Михайлович, тощий, с намечающейся лысиной мужчина лет пятидесяти, с мелкими, суетливыми движениями рук и бегающим взглядом. Особенно почему-то запомнился старый, почти потерявший форму берет, который он поспешно снял и разминал в руках все время разговора.

– Здравствуйте, молодой человек, – тихо и как-то мягко поприветствовала меня старшая, Виолетта Владимировна. – Геннадий Сергеевич... порекомендовал обратиться к вам. Видите ли...

– У нас есть некоторый... интерес в отцовской квартире, – перебил ее Павел. – Она находится... как бы вам сказать...

– Догадываюсь, – кивнул я.

– Да-да, верно, там. К сожалению, получилось неприятное недоразумение...

– Мы были у родственников в Германии, когда все это произошло, – продолжила Виолетта. – Дочь, знаете ли, вышла замуж за немца, да, очень хорошего человека, и пригласила нас в гости... буквально на месяц. Там из новостей мы узнали, что Москва была эвакуирована, кажется, из-за какой-то то ли эпидемии, то ли аварии. Мы так и не поняли, от чего именно. Новость показывали по всем каналам, но дикторы как-то невнятно говорили о причинах – то техногенная катастрофа, то какая-то болезнь, заражение. Мы, конечно, сразу вылетели обратно, но в Москву попасть не смогли.

– Что неудивительно, – печально вздохнул Ботаник.

– Ничего не получилось. В город не пускали военные, да еще какие-то ужасные слухи, полная неразбериха во всем, и от нас отмахивались повсюду, даже не выслушивая. Это был

какой-то кошмар, – добавила Ангелина Владимировна. – Только спрашивали, не остался ли кто дома. Нет, конечно... Миша умер за три года до эвакуации, сердце, и было ему уже восемьдесят семь, он старший в семье... и тогда нами больше никто не интересовался. Нам пришлось уехать – кончались наличные деньги, гостиницы же были непомерно дороги. Три с половиной года мы прожили в Германии, оформили там гражданство...

– Простите, вам, наверное, все это неинтересно, – сказала Виолетта, утвердительно кивнув еще до того, как я дал ответ. – Наше дело к вам состоит в следующем...

Старушка, отточенным движением открыв сумочку, выложила на журнальный столик связку ключей, вырванный листок атласа Подмосковья и несколько фотографий.

– К сожалению, мы уже не сможем посетить могилу брата – он похоронен на Борисовском, это в Москве. Ну, вы понимаете... Этот человек был нам очень дорог.

– В квартире остались фотографии, кое-какие личные вещи отца. – Павел показал на фото. – Портсигар, еще с войны... он был ветераном. Вот шкатулка, лежит в шифоньере, в ней ордена. Постарайтесь найти. И альбомы с фотографиями. Все, какие найдете.

– Да, и еще... – Ангелина Владимировна, почему-то смутившись, откашлялась и быстро переглянула с сестрой. – Молодой человек, простите...

– Вячеслав.

– Вячеслав... Слава, если можно так вас называть... есть еще одно. Несколько не особенно ценных, но очень важных для нас вещей. Маленькая шкатулка под простынями в шкафу. Там... там лежат наши фамильные ценности. Три колечка с камнями, цепочка, кулончик с портретом и небольшая рубиновая брошка. Это не особенно дорогие, но, вы понимаете, фамильные ценности. Они достались нам от прабабки, и... нам бы не хотелось их потерять.

– Понятно. – Я кивнул и пододвинул к себе карту. – Никаких гарантий того, что смогу пройти в этот район, дать не могу. Ближайшее Подмосковье сейчас такая же Зона, как и центр города. Одни здания разрушены аномалиями, другие выгорели, третьи... скажем так, недоступны. Кроме того, во всех районах первые месяцы действовали самые разные банды. Этаж какой?

– Первый.

– Это тоже не очень хорошо. И клумбы, и сами здания быстро зарастают, без отопления во многих домах на первых этажах сыро, и за три года там все скорее всего заплесневело. После возникновения Зоны было очень много дождей, и зимы теперь сырые и почти без морозов.

– Альбомы были завернуты в полиэтиленовые пакеты. Очень плотно. Мы берегли их от сырости, молодой человек, квартира и впрямь была влажноватой, – сказала Ангелина Владимировна, поджав и без того очень тонкие губы на морщинистом лице. – Не думаю, что плесень могла повредить их за столь короткий промежуток времени. Дом трехэтажный, крепкий, крыша никогда не протекала на нашей памяти.

– Плесень бывает всякая. Особенно там. Ладно, вводные данные приняты. Я оцениваю работу в пятьдесят тысяч. Большой риск – район, скажем так, неблагополучный.

– Мы дадим вам семьдесят, если вы доставите альбомы и ценности, – кивнул Павел и снова начал мять берет. – Но, простите, аванс выдать не сможем.

– Претензий не имею. – Я даже усмехнулся. Давно принято такое правило – не давать аванса тому, кто в Зону идет. Потому что очень часто оттуда не возвращаются. И работа не выполнена, и денежки пропали, которые можно потратить на нового наемника. В курсе, видно, Павел Михайлович, значит, кто-то просветил. Я покосился на Ботаника. Да нет, не он – поднял Гена брови, головой покачал и, видно, о чем-то задумался. Впрочем, ладно.

Я снова посмотрел на лист из атласа автодорог. Подмосковье, юг, даже немного западнее. Бутово недалеко, южнее Подольск, который еще не накрыло, но в том году почти всех жителей эвакуировали. А вот сам поселок, где нужный дом, от МКАД совсем недалеко. И на моих картах, особо разрисованных, значится это место как достаточно поганое. Не сказать, что полный

швах, как Москва, но и расслабляться нельзя. Одно радует – район грамотно и вовремя эвакуирован, когда полыхнуло в Москве, туда не сразу докатилось. И не сказать, чтоб много там было населения – тысяч десять всего, а рядом только промзона да теплицы совхозные. Интересно так совпадает – чем меньше проживало народу, тем меньше будет и общая пакостность территории, хотя, например, к промзонам это ни разу не относится, так же как и к свалкам. Саларьево, например, снаружи МКАД, а вот поди ж ты, очаги похлеще, чем в самой Москве бывают...

– Значит, так. Если без неожиданчиков... извините, неприятных неожиданностей и препятствий, сработаю за три дня. При наличии таковых – дольше. Если через неделю не вернусь... ну, ищите другого сталкера.

Переглянулись бабушки.

– Простите, что значит – не вернетесь?

– Зона... – Я невесело хмыкнул. – А район ваш... ну, сложноват. Не совсем беда, но всякое случается. Вам есть, где остановиться?

– Да, мы сняли большой номер в местной гостинице.

– Дорого.

– Ничего страшного. Мы теперь можем позволить себе некоторые траты. – И снова поджатые губы, и что-то аристократическое даже видно в движении головы. Тихо встали, вежливо попрощались, и Павел Михайлович снова нацепил на свою круглую плешку помятый берет, церемонно пожал руку и даже слегка поклонился перед уходом.

– Музыкант, – Ботаник кивнул на дверь, когда на лестнице затихли шаги, – какая-то там филармония на неметчине, лауреат и все такое. Не беден, это факт. Зря ты про пятьдесят сказал. Глядишь, и в самом деле недоплатят.

– Ничего, ботанический друг мой. – Я вздохнул. – Полтинник здесь, полтинник там – бедному рубаха. Будем цены ломить – без клиентов останемся.

– Это вряд ли, – усмехнулся Гена, щелкнув пальцем по пузатому тяжеловесу-монитору. Ну, вот никак не хочет Ботаник переходить на современные плоские – ему, видишь ли, «цвета не те». А на мониторе уже таблица, и по новостям, что досконально собраны из неофициальной сталкерской сети и серверов ЦАЯ, уже мерцают столбцы под кодовой цифрой «200», а напротив – где кликухи, где имена, и рядом в окне карта Москвы с россыпью свежих крестиков.

– Спасибо, парень. Умеешь ты настраивание перед ходкой поднять.

И затрещину ему. Не сильно, конечно, так, по-дружески, и в ответ чувствительный тычок по ребрам.

– Не рубись, Ланс. Это я просто так показал, что конкуренция нам особо не грозит. Пойдем-ка лучше пивчанского из холодильника достанем. Есть и покрепче, если че.

– Пивчанского можно. А вот покрепче – это когда вернусь.

И тихонько, тайком, три раза постучал по столешнице.

Вот он, дом тот самый. Трехэтажная хрущевка из белого кирпича, почти до крыши заросшая «красным виноградом». И скверик небольшой рядом, все деревья на нем убило чем-то, и, присмотревшись, вижу чем – жарит от земли, трясется в мелкой дрожи воздух. Не «огневик» там, иначе бы сожгло все дотла, по крайней мере не на самой земле разлеглась аномалия, а жарит где-то в глубине. Земля тоже сухая, потрескалась, чертики пыльные по ней бегают, и ни травинки. Может, это даже и к лучшему – грунт вокруг бывшего скверика прогретый, высушенный, хотя и заметно просевший – видать, спеклось все в глубине. И дом покосился, пусть чуть-чуть, но видно, и в одном месте даже фундамент выпянул, и трещина, нехорошая такая трещина, по кирпичной кладке проползла до самой крыши. Хорошо, что не обрушился дом, пустым мне возвращаться не с руки, а деньги нужны, и даже очень. По семейным, так сказать, обстоятельствам...

Осторожно, Лансер, не спеши. Сухая земля под ногами, и ощутимо теплее она, чем положено ей быть под солнечными лучами, и асфальт мягкий, под ботинком проминается, липнет. Можно в таких вот местах и провалиться в подземную жаровню, и долгая, паршивая смерть, особенно если не сильно раскалена каверна, а что-то вроде дьявольской сауны градусов так под сто тридцать, и наверх по сыпучей земле, да обожженными пальцами не особо заберешься. Поэтому не сразу наступать, а протопать путь, послушать, с каким звуком бьет по земле ботинок. Вербку бы... Сэкономил место в рюкзаке, называется. Метров бы двадцать альпинистского шнура, привязать вон хотя бы к той крепкой на вид, хотя и высохшей елочке, а другим концом – к поясу. Ох уж мне эти подземные «огневики»... сколько в них сталкеров гробанулось...

«Фффффххххх» – шумно выдохнул горячий ветер из приоткрытого канализационного люка, и высоко вверх подлетела пара оранжевых искорок. Ощутимо громко щелкнул перегретый бетон. Ладно, ничего страшного, далеко, хотя и обдало какой-то особенной, банной вонью от горячего дуновения. И ветерок заметный, летает мелкая черная пыльца, посвистывает в окнах дома, и высоко-высоко в синем небе видно мелкое лихорадочное дрожание воздуха. Но слабый тут «огневик» или же просто очень глубоко сидит. Вот в Бутово на месте такой же дряни целый вулкан образовался, метров в десять высотой, и временами из него натуральная лава выстреливает, целый квартал вокруг этого «чуда природы» выгорел и обвалился. Но там хотя бы вони не было. Здесь же смердит от земли не то пластиком горелым, не то паленой шерстью. И дымки маленькие, ниточками такими, то здесь, то там пробиваются. Сдается мне, недавно аномалия образовалась. Жарит так, что на лбу уже пот выступил, и к спине камуфляжка мерзенько так липнет, щекочется. Вернусь когда – обязательно холодный душ приму. Хорошо, видно, здесь только «красному винограду» – да и что аномальной лозе сделается, она и на голых камнях растет, и не горит почти. Красивое растение, если присмотреться, – листья жесткие, в неровный такой дырчатый узор, словно дробью простреленный, ствол с руку толщиной извивается, и все красное в рыжину, ни капли зеленого. Даже ягоды вон видны, тоже красные, мелкие, как горох. Сталкеры даже легенду придумали, что в каждой кисти этого растительного мутанта есть одна «живая» ягодка, ничем внешне от прочих не отличающаяся. И если, мол, слопаешь правильную ягоду, то многие хвори вылечишь и жить дольше будешь. А вот если ошибся и не то, что надо, зажевал – то беда, отравишься так, что всю жизнь на лекарства работать придется. Сказки, конечно, ничего в этих ягодах плохого не обнаружено, жесткие они и безвкусные, но и отравы особой нет, так, голова немного поболит да желудок взбунтуется.

В подъезде сумрачно и жарко. Окна на лестничных площадках закрыло листвой, из полуоткрытой двери подвала несло зловонным сухим теплом. Краска на стенах слезла и осыпалась, под ботинком сухо захрустели чешуи штукатурки. После дневного света подъезд казался темным и мрачным. Постояв пару минут и послушав тишину дома, я медленно подошел к двери нужной квартиры, а после, отвернувшись, присел на лестничную площадку и со злостью сплюнул.

Квартира была вскрыта. Простенькую деревянную дверь отжали, по-видимому, крепкой фомкой – дерево треснуло и согнулось, у покривившегося замка торчали щепки. Судя по цвету дерева и слою мелкой серой пыли на обломках дверной ручки, квартиру взломали давно, похоже, сразу после эвакуации. Черт. Не факт, далеко не факт, что удастся мне выполнить этот фриланс и получить деньги. В том, что воры вынесли из квартиры практически все ценное, я почти не сомневался.

Из плотного футляра достал маленький фотоаппарат-«мыльницу», щелкнул со вспышкой взломанную дверь. И, спрятав уже не нужные ключи, вошел внутрь.

В квартире припахивало сухими яблоками, заплесневевшей бумагой и пылью. Отдельные солнечные зайчики, проникающие сквозь грязные стекла, давали не много света, отчего комнаты были погружены в глубокий багровый сумрак. Прихожая с пыльной ковровой дорожкой,

потемневшие занавески вместо комнатных дверей, провалившийся пол на кухне – из дыры в линолеуме едва заметно пульсировало синеватым лучиком. Ну, на кухню, к счастью, мне не нужно, а путь в спальню, похоже, был чистым. Похоже. Э-эх... детектор бы, хоть плохонький, устаревшей модели, найти в Зоне, так как купить такую вещь с моими-то «связями» пока не представляется возможным. Понятно, что и с новейшими сканерами мрут как мухи, но все же так точно не лишней была бы научная машинка. Ну а пока совсем уж по-дурацки бросить в проем двери облезлый веник, всматриваясь, не полыхнут ли серые вспышки, нет ли ряби в воздухе и не слышно ли сухого натужного треска. Найти детектор... м-да... Видел ты, Ланс, как-то раз подходящего мертвеца, явно сталкера. В аномалию залез парень... ну или девка, там за давностью уже не определить было. Деревце вырубил лопаткой своей особенной, сучок крючком заострил. Ну и вытащил из танцующего и крутящегося вихря легкое совсем тело, посидел в раздумьях, да так и не решился с черного и покоробившегося пояса снять детектор и мини-компьютер, тот легендарный ПМК, о котором взахлеб Ботаник рассказывал. И автомат Калашникова, да не простой, а дорогой и редкий АК-12 с рюкзака не снял... не смог. Вместо этого за каким-то чертом вырыл саперкой яму и тем же крючком труп в нее стащил и, укрыв предварительно куском рваного тента от фуры, зарыл. А потом нажрался дома до тошноты, обматерил ни в чем не виноватого Ботаника и уснул в ванной, едва не залив соседей... есть все-таки в моей фрилансовой свободе некоторые, скажем так, издержки. И злоба временами накачивается, и страх беспричинный, и ночью кошмары, и когда припрет в Зоне по-серьезному, так, что смерть челюстями уже перед носом щелкает, готов бросить все и обратно в контору, скучную до ломоты в зубах, но зато безопасную. И других ребят за два года находил не раз, иногда даже знакомых, и хорошо, если они просто мертвые были, как ни страшно о таком думать – «просто мертвые». От всех этих дел некоторые головой едут, да только мне, видимо, повезло. С душой ведь как? Если долго ее по грязи да колючкам возить, то или пузыри кровавые выскочат и шкура слезет до живого мяса, или покроется эта самая душа мозолью в три пальца толщиной, такой коркой, что порой сам удивляешься, откуда столько нездорового цинизма в тебе берется, непрошибаемости какой-то. Однако и на мозолях трещины случаются. Иногда весьма ощутимые. Потом, правда, все зарастает, рубцуются, и тянет на пустые улицы с такой силой, что хоть волком вой. Испортил меня фриланс. Окончательно испортил.

Вот и сейчас не столько из-за упущенных денег неприятно на душе, а словно обманул кого-то. Не нашел я ни орденов, хотя шифоньеры перерыл тщательно, перетряхивая каждую вещь, ни драгоценностей в стопке простыней. Естественно, ведь простыни эти к моему приходу уже валялись на полу мятыми и пыльными холмиками в россыпи разных ниток, булавок и пуговиц, разбитых баночек и раздавленных фарфоровых кошек со слониками. «Чистили» квартиру обстоятельно, со знанием дела – такие воры очень хорошо знают все нехитрые тайники доверчивых граждан, будь то банка с крупой или стопка постельного белья. Не тронули даже технику, в том числе и достаточно неплохой, дорогой телевизор, зато проверили и опустошили все найденные кошельки и шкатулочки, перетрясли книги в поисках припрятанных купюр. Альбомы с фотографиями, впрочем, не тронули, и на том спасибо, все не с пустыми руками возвращаться. Сфотографировав напоследок весь тот разгром, что устроили воры, я осторожно покинул квартиру. Возвращался по своим следам, не без труда углядел на обратном пути тот самый детектор движения, за проволочку которого неосмотрительно задел сегодняшней ночью, и без приключений отмахал четыре километра к припрятанной в лесочке старенькой, но любовно восстановленной и весьма надежной по этой причине «Ниве». В ожидании, пока стихнут на дальнем шоссе моторы машин военного патруля, немного вздремнул, предварительно пообедав горячим супом из термоса и бутербродами. Машину вывел на шоссе уже вечером, когда начало смеркаться. В принципе на таком расстоянии от Зоны полицию и военных можно было не опасаться. Документы у меня в порядке, вид и машины, и меня самого нарочито бедноватый и немного интеллигентный даже, в багажнике большая корзина с ран-

ними опятами и банка, наполненная гниловатой лесной малиной – и то, и другое специально купил у придорожной торговки, когда ехал на «дело». Если малину можно будет смело выкинуть, слишком уж неприглядна, то крепкие молодые опята вполне сгодятся в качестве приятного дополнения к жареной картошке. И вопросов ко мне никаких – вежливый и скромный грибник на дешевой «тачке» возвращается с «тихой охоты», а обрез, спрятанный под крышей в специально сделанном тайнике, еще найти надо. Домой по пустынной широкой дороге, которая, конечно, помнила и другие, куда более оживленные времена, а сейчас на ней даже фонари не горят, и лишь изредка промелькнут фары встречного автомобиля. И вдруг запищало слегка в ушах, небо озарилось бледными зарницами, и я, тормознув «Ниву» у обочины, вылез посмотреть на Прилив, запоздавший примерно на семь часов относительно прогноза.

На северо-востоке появилась едва заметная дымка, похожая на прозрачное облако. Дымка на глазах посинела, затем подернулась переливами нежнейшего перламутра, светящегося настолько слабо, что его с трудом можно было рассмотреть на фоне черного неба. И легкий такой писк в ушах, и словно теплой водой их залило – кстати, и за сотню километров от Москвы у людей в ушах пищит, и, говорят, иногда даже «флэш-галлюцинации» бывают у особенно чувствительных граждан, подташнивает или голова болеть начинает. Уж не знаю почему, но из всех знакомых старателей, которых, правда, было немного, я один спокойно переносил Прилив даже в Зоне – никаких проблем со здоровьем до сих пор не наблюдалось. Хоть и страшили вояки, что, мол, сдохну, я просто переживал Прилив, лежа где-нибудь в кустиках, намахнув предварительно грамм пятьдесят согревающего. Да, чуть паршиво, голова побаливает, писк этот, в животе булькает и урчит, но только и всего. Кирия Космонавт, с которым как-то вместе до Текстильщиков ходили, тот прямо аж кончался, вырвало бедолагу, слезы в два ручья, и потом знобило его нешуточно, хотя мне ну вот совсем ничего в первый раз не было, даже в ушах не пищало. Да и вообще, если бы от Приликов сталкеры кончались, об этом наверняка было бы известно. Единственная засада в том, что после волн аномальных энергий на безопасных тропинках зачастую «очаги» появлялись, а из Города какая-нибудь новая, не всегда безопасная живность выползала. Или, что чаще, не совсем живность даже...

Над Городом померцало еще немного, словно от молний далекой грозы, причем высоковольтные разряды в Москве действительно не редкость, целые «сухие грозы» при ясном небе случаются. Видел я как-то молнию, прямо из земли в небо шарахнувшую, – натурально такое белое дерево над домами секунды три висело, а от грома в соседнем супермаркете остатки стекол на землю посыпались. Может, и во время Приликов разряды случаются... ага. Стих настырный не то вой, не то телефонный писк где-то в середине головы настолько резко, словно его рубильником выключили. Сел в машину, зевнул – выпастись бы, почти сутки на ногах, – и, не особенно торопясь, поехал дальше, не выжимая больше восьмидесяти. К Ботанику прибыл уже далеко за полночь и, едва смыв грязь и пот под холодным душем, просто нырнул в сон, проигнорировав яичницу с салом и кружку крепкого чая.

* * *

– Ну, давай уже, поднимайся. Тут тебе не ночлежка для всякого сброда, а приличная квартира. Харе дрыхнуть, а то морда большая вырастет. – Я почувствовал ощутимый пинок. – Да и остынет все. Блин, знал бы, на что подписываюсь, черта бы лысого тебя на порог пустил. Вставай, лишенец!

– Слушай... будь настоящим другом... отвали до половины одиннадцатого. – Я с раздражением отвернулся к стене, до этого вслепую отмахнувшись от очередного пинка. – А то встану и очки твои ботанические разрушу... блин, сутки не спишь, на них работаешь, а они...

– Полпервого, Ланс. Заказчики через двадцать минут будут.

– Ну... – Я не без труда поднялся и, протерев глаза, уставился на будильник. – Ч-черт... я что, звонка не слышал?

– Слышал. Лапой своей по будильнику треснул, причем моему, заметь, будильнику, и дальше массу топтать. – Ботаник хмыкнул. – Вставай быстрее, кофе стынет, картошку холодную жрать тоже мало удовольствия.

– Из тебя, Бот, офигенная жена бы получилась. Не будь я традиционных вкусов, завтра же за кольцом бы поехали.

– Ах ты сволочь... – Ботаник снял тапок, тяжелый такой шлепанец с резиновой подошвой, и с хорошим замахом отправил его мне в лоб. Я не без труда увернулся. – Вот хрен тебе третий в следующий раз, а не завтрак. Сам все слопаю, а над тобой голодным смеяться буду. Зар-раза... В порядок себя приведи. Заказчики интеллигентные.

– Слышь, Бот, а я ведь только альбомы нашел. – Подтянув рюкзак, выложил на журнальный столик шесть тяжелых толстых альбомов в матерчатых обложках, от которых пахнуло слабым духом книжной пыли. – Ни орден, ни ценностей. Как думаешь, пролетим?

– Скверно. – Ботаник присел на диван и в задумчивости почесал подбородок. – Скверно, Слава. И отчего так? Не нашел, что ли?

– Квартиру прочесали до меня. Вот глянь...

Бот полистал сохраненные фотографии, вздохнул и вернул «мыльницу».

– Хорошо хоть догадался зафиксировать. Но, как ни крути, заказ не сделан в полной мере. Однако, репутация...

– Ботан, я понимаю. Но, ч-черт, от меня ну ровным счетом ничего не зависело.

– Понимаю. Ладно, не парься... похоже, пришли. Давай одевайся по-быстрому, и... причешись хотя бы.

Старушки-сестры и племянник, все так же мнувший в руках старый берет, тихо вошли в комнату и, отказавшись присесть, аккуратно забрали у меня альбомы.

– Молодой человек... это... это все? – Виолетта Владимировна непонимающе взглянула на меня, после чего быстро переглянулась с сестрой.

– К сожалению, да. Квартира была вскрыта, воры... вот смотрите.

Старушка едва взглянула на фотоаппарат, и ее губы поджались, а плечи заметно опустились. Ее сестра, молча вынув из сумочки платок, прижала его к лицу и быстро вышла. На скулах Павла Михайловича появились желваки.

– Паша, выйди, – тихо, но очень твердо приказала Виолетта Владимировна.

– Но, тетя, я...

– Ты не расслышал? – В голосе Виолетты появился неприятный холодок.

– Да... да, конечно. – Павел, нервно сжав многострадальный головной убор, быстрым шагом вышел из квартиры. Установилось неловкое молчание. Старушка внимательно рассматривала перстень на своем пальце, а я просто ждал, отмечая про себя, что как-то неприятно все вышло, не так...

– Молодой человек... Вячеслав, верно?.. Я все прекрасно понимаю. Ордена брата не имеют... высокой рыночной стоимости. Вряд ли вы их сможете выгодно продать.

Я настолько удивился, что даже не нашелся с ответом.

– И ценности прабабушки... они, конечно, значительно дороже по деньгам... но все равно сумма будет небольшой...

– Постойте. Я что-то вас не очень хорошо понимаю.

– Понимаете, Слава. Да, вы все прекрасно поняли. Давайте не будем лгать друг другу. Я тоже понимаю... все реалии нынешнего времени. Как и договаривались, я должна была вам за работу – всю работу – семьдесят тысяч. За альбомы больше десяти дать я не смогу, вы же понимаете.

– Э-э...

– За ордена я выплачу вам пятьдесят. И сто тысяч – за украшения. Как вам такие условия?

И презрение во взгляде Виолетты Владимировны. Холодное, спокойное, уверенное такое презрение, поджатые в нитку губы. И натурально так холодком повеяло от старушки, и смотрит на меня так, словно я какой-то поганый жук, по недоразумению забравшийся в тарелку с супом.

– В любом случае я вам гарантирую, что это лучшая цена, которую вы сможете найти.

И у меня вдруг потемнело в глазах. Посмотрел я на две красноватые бумажки, что сунули в руку, две по пять тысяч, смял их и бросил на столик, под руки Виолетты Владимировны. Купюры, отскочив от столешницы, зашуршали по паркету – видно, зарядил я ими от души. Хотел еще сказать, чтобы убиралась, но язык словно пристал к небу, и я, поднявшись, быстрым шагом подошел к двери, раскрыл ее. Не глядя, подождал, пока заказчики все тем же тихим шагом не вышли из квартиры, запер ее и вернулся в комнату. На душе стало погано так, что хоть вой.

– Ну, ты видел? – выдавил я, глядя на Ботана. – Есть справедливость в этом мире, дружище?

– Видел. – Гена смущенно почесал всей пятерней в затылке, крикнул. – Да, дела... как чувствовал.

– Вот тебе и интеллигенция... – Залез рукой под диван, нащупал картонную коробку и выудил очередной «мерзавчик» трофейного коньяка. – Будешь?

– Не. Не хочу. И что, вообще во всей квартире ни одной ляльки не нашлось?..

– Ну, ты... ах ты... туда же... – Я даже не поверил тому, что услышал.

– Ох, Ланс, прости дебила. Не намекал ни на что, так, задумался, вот и ляпнул, как в лужу дунул. Извини, друг, даже мысли не было.

– Ты и деньги подобрал. – Я увидел в руках Гены две мятые купюры. – На хрена?

– Предлагаешь сжечь? – Ботаник прищурился. – Хату снимаем, товарищ дорогой. После завтра денежка нужна, а работы пока нет. Ни для меня, ни для тебя. Пусто, блин.

– И мне... тоже денежка нужна. Ч-черт побери его совсем...

– На работу устройся, – невесело съязвил Гена, но, увидев мой взгляд, предпочел улизнуть на кухню.

А я присосался к крохотной бутылочке. А потом и еще к одной. И что делать – не знаю. То есть вообще. Если не будет до завтра пятидесяти, как выражается Ботаник, «рублей», то у одного придурка будут некоторые проблемы. А через этого придурка и у меня... Давно бы плюнул на братца, раздолбай и пьянь, даром что на шесть лет младше, да еще и не родной, сводный. Если бы не мать...

– Короче, Лансер. Держи. – Ботаник бочком подошел и положил на диван небольшую «котлетку» из свернутых в трубку банкнот. – Здесь семьдесят... а тебе вроде полтинник нужен.

– И откуда дровишки?

– Из лесу, вестимо... Копил я на парочку ПМК, как раз с той Зоны, да на детектор более-менее нормальный. Эн зэ – запас мой неприкосновенный. Был, скажем так, специально на аппаратуру откладывал. Заказы сейчас не только ведь по окраинам Москвы, есть и за МКАД, а без техники туда нельзя. И... к днюхе твоей хотел сурприз сделать. Бери, потом рассчитаемся.

– Ну, спасибо, Бот. Спасибо, друг. Знал бы ты, как выручаешь.

– Чего уж там. Как будто не свои... – Гена криво ухмыльнулся и засел за компьютер, и по экрану снова побежали таблицы, карты и графики. – Может, какой ценной инфы надыбаю, без хлеба не останемся.

Отложив пять сотен на бензин, остальные деньги спрятал во внутренний карман. На часах уже было два с четвертью, и, прикинув в уме время пути, я спустился вниз. Очень сильно надеюсь, что пятьдесят тысяч, ну, в крайнем случае шестьдесят смогут решить, хотя бы на время, одну проблему. На ум пришли несколько довольно грязных ругательств, и отчетливо зачесались кулаки. Нельзя, Ланс, нельзя... нужно быть сдержаннее.

Многие вузы после Эвакуации переехали в Питер. В частности, такие гиганты, как МГУ, МГИМО, МАИ и подобные им уверенно перебрались во вторую нашу столицу, где в рекордные сроки были отстроены для них здания. Мало того, Московский Государственный имени Ломоносова не просто остался Московским, но даже само здание по личному приказу президента сделали почти полной копией потерянного. Государственные вузы пожиже разъехались кто куда – в Красноярск, Екатеринбург, Саратов, где до сих пор для них достраивались общежития и аудитории. Те, что вузами значились в основном на бумаге, да и то не всегда, переместились в резко подешевевшее Подмосковье. Зеленоград, Голицыно, наполовину уже эвакуированный Королев – там освобождалось действительно много подходящих помещений, и муниципалитеты за бесценок предоставляли их различным конторам, которые за некоторую сумму обеспечивали студентов вполне себе настоящими дипломами. Попадались среди них и относительно достойные учреждения, и откровенные шараги, и для них всех хватало желающих учиться на экономистов, бухгалтеров и психологов. Ключевое слово – желающих учиться...

Братеньник мой учиться, похоже, не намеревался. В школе он, кстати, раздолбаем не был – его старание и прилежание отмечали многие учителя. Просиживал за учебниками до поздней ночи. Как правило, не понимая ничего из прочитанного, Егорушка тщательно вызубривал тексты до полного автоматизма и получал хорошие отметки. Отработанная и уже не нужная информация после получения оценки и последующего вознаграждения тут же выбрасывалась из головы. Мать, родив своего ребенка, кровинку, очень рьяно взялась за воспитание брата и зачем-то начала использовать древний как мир метод кнута и пряника. Получил братец пятерки в четверти – новый велосипед. В году – поехал на море. Не получил – приличный срок без копейки карманных денег, доходило даже до полугода. Или покупка компьютера откладывалась до следующего дня рождения, дабы мотивировать отпрыска на еще более упорную зубрежку. И так буквально во всем. В итоге – серебряная медаль, доставшаяся не без слез, долгих и некрасивых уговоров учителей, личных бесед с директором. Небогатый семейный бюджет по этой же причине – нужна медаль – периодически опустошался ремонтами класса, покупками проекторов, новых книг, штор и цветов. И быть бы Егорушке золотым медалистом, но жестко, непримиримо уперся пожилой математик советской еще закалки, который ни в какую не пожелал ставить пятерку за вызубренную, но не понятую алгебру, и не купился он ни на слезы, ни на уговоры, ни даже на скандалы на педсоветах.

После выпускного по результатам более чем загадочно сданного ЕГЭ поступил Егор Кравцов не куда-нибудь, а в Бауманку, тогда уже переведенную в Петербург. И приехал обратно после первой сессии, к которой его даже не допустили. Кнуты и пряники, так привычные по школе, неожиданно исчезли из жизни студента, и тот пустился сначала в прогулы, за которые никто особо не журил и не ругал, а потом и вовсе прекратил посещение. Лихорадочно попытался сдать «хвосты» преподавателям, причем некоторые из них видели Егорушку только на первых лекциях, и, естественно, не сдал ни одного. Школьная зубрежка не помогла там, где потребовалось понимание. Остатки домашних средств съел военкомат, и мать в первый раз слегла в больницу с обширным инфарктом. А потом и во второй – когда празднующийся Егор в пьяном виде полез выяснять национальный вопрос к строителям-таджикам, за что был жестоко бит и лежал после в соседней с матерью палате. Тогда-то я и дал обещание «присмотреть» и «не допустить» – третьего инфаркта, по статистике, человек не выдерживает почти никогда. Да, мать мне была не родной – меня взяли еще в совсем несознательном возрасте из Дома малютки в Воронеже. Молодая бездетная пара, отчаявшись завести своего ребенка, решила усыновить мальчика. Так я и стал Кравцовым и за все время, пока жил в семье, даже не ведая о том, что приемный, проникся глубочайшим уважением к Антонине Александровне и Владимиру Васильевичу. Даже после того, как Егорушка раскрыл мне всю историю моего появления в семье, и когда я не сразу научился называть маму и папу по имени-отчеству, я все равно не перестал считать их родителями. Наверно, поэтому я не решился измолотить Егора до

розовых пузырей после того, как Антонина Александровна слегла от его выкрутасов, а только пообещал проследить за сводным братом. Вот и слежу, блин, до сих пор, и деньги в Одинцово везу, и заранее глубоко дышу, проговаривая про себя словно мантру «не-бить-не-орать... не-бить-и-не-орать...». Сволочь. Умудрился завалить сессию, и уже не в Бауманке, а в какой-то совершенно кривой шараге под гордым названием «Российско-Канадский Социально-Экономический Институт», причем я был совершенно уверен, что в Канаде о существовании данного учреждения вряд ли было вообще известно. Достоверно я знал лишь о том, что из стен данной альма-матери выходят экономисты и менеджеры, делающие в одном предложении по шесть ошибок и не знающие, сколько нулей в миллиарде. Вот и выбрал для Егорушки вуз, так сказать, по способностям, и договорился правильно, что стоило мне примерно пяти фрилансов, и даже на очное придурка устроил, общежитие выбил, хотя с ним на самом деле проблем почти не было, хватило смешной суммы и бутылки хорошего коньяка для коменданта. Думал, все, без проблем доучится, семестр не сказать чтоб дорогой, я этих расходов и не замечал. И вот в конце третьего курса снова здравствуйте. С-сволочь... не-бить-не-орать...

Через час я припарковал машину у облезлой древней общаги, отданной под нужды РКСЭИ. Бабуля-вахтер, подслеповато прищурившись сквозь очки, признала и кивнула, мол, проходи. Взгляд ее, как мне показалось, был укоряющим.

– Лампу в вестибюле вчера разбил твой поросенок, – услышал я уже сзади. – Ты бы это, поучил братца. Вышибут ведь, и комендант ругается.

– Разберусь. Спасибо.

Пустился Егорушка во все тяжкие. Черт побери... ведь если уже отчислили придурка, то это все. Что с ним делать? Впрочем, на него-то самого плевать по большому счету, двадцать пять лет олуху, не пропадет – грузчики всегда нужны. Вот мать его жалко.

Общежитие пахло мощной смесью жареного лука, сырой штукатурки и запущенных, судя по всему, давно не мытых туалетов. К перилам на лестнице я не рискнул прикоснуться – они даже на вид были липкими. Комната брата на третьем этаже оказалась пустой, точнее, ее дверь была прибита к косякам, и на оргалитовом листе значилось «ремонт». Интересные новости... я развернулся и пошел вниз по другой лестнице, уже предвкушая не самый приятный разговор с комендантом. На лестничной площадке второго этажа уютно дрых здоровенный детина с густой кудрявой бородой. Разорванная по всей спине футболка открывала свету любительскую татуировку, парень чему-то сладко улыбался во сне, потираясь щекой о грязную ступеньку. Рядом валялась полупустая баклажка «Очаковского». Когда я попытался перешагнуть через тело, детина проснулся, посмотрел снизу вверх совершенно мутным взором и неожиданно вежливо поздоровался.

– И вам здравствуйте, – кивнул я. – Уважаемый, вы не знакомы с неким Егором Кравцовым?

– Знаком. Это я у него набухался, – медленно, со старанием выговаривая каждое слово, поведал детина. – Вы... извините за... столь непрезента... б... бельный вид. Се... сессию закрыл. Вот.

– Искренне поздравляю. – Я пожал протянутую лапищу. – И где я могу видеть Егора?

– Он... спит. В четыреста шестнадцатой комнате. Их... перевели. Ре... ремонт. Бла-бла-годарю за беседу. Меня зовут Дима. – Детина перевернулся на другой бок, подложил под голову ладонь и мирно засопел дальше, уснув сразу после того, как представился. Только сейчас я почувствовал мощный пивной «выхлоп», разлитый в воздухе. Не развеялся он и на четвертом этаже, хотя к запаху разлитого пенного напитка добавились и резкие ноты скверного табака. У окон курили четыре девицы в завернутых на головах полотенцах и мятых халатах. Из занавешенной простыней комнаты слышался плеск и фыркание – видимо, я попал на банный день. Девушки, едва удостоив меня взглядом, продолжили кого-то обсуждать: «ты предста-авля-

аешь, во ду-ура... со сталкером мутить вздумала». Удивившись про себя предмету обсуждения, я дошел до четыреста шестнадцатой комнаты и постучался.

Дверь мне открыла болезненно тощая девушка с выступающими скулами и убранными в хвост длинными волосами. Крупные, но подпорченные краснотой и тяжелыми синяками серые глаза с интересом изучили меня с ног до головы, девица выпустила уголок рта длинную струю дыма, стряхнула пепел и снова неприятно и вызывающе уставилась на меня.

– Ты, блин, кто такой? – равнодушно поинтересовалась она, загородив вход в комнату. – Че те надо?

– А-а, едрить твою! Ла-ансер, зараза! – Я услышал знакомый голос, и настроение, без того не радужное, еще немного подпортилось.

Вот уж не ожидал здесь Тапка встретить. И считает ведь меня другом, чтоб его... только бы опять со мной не увязался, зараза. Да ладно, мы теперь ученые, посылать далеко и надолго я, к счастью, с тех пор научился. Единственное, осадочек неприятный все равно останется – не дрянь человек, нет, но нытик, слюнтяй и зануда. Спасибо, сходили мы с ним как-то до одного магазинчика в Химках, вовек не забуду, сколько килограммов мозга он мне вынес своими жалобами на стертую ногу и дождь, а на обратном пути наслушался я унылой и однообразной матерной ругани от него же. Не на меня, нет, а что и магазин-де до нас полностью обообрали, пады, ни денег, ни телефонов, и нога болит, и промок, и вообще страшно мне тут, и... тьфу. Ну его к черту вместе с моим долготерпением.

– Здорово, Тапок. Как жизнь? – А сам думаю, с чего это вдруг Шлепанца этого к моему брату занесло.

– Э-эйк... х... Фрилансер... я это...

– Что? – не понял я, а Тапок, порозовев и махнув рукой, отвернулся к окну.

– Ну, на фига? Э-эх... напарничек...

– Так ты, значит, Тапок? – прыснула тощая девица. – Вот падла. А нам заливал, что Койот. Держи, хиш-шник...

Пепельница, доверху наполненная окурками, была опрокинута на голову несчастного Шлепанца, и девушка с силой похлопала ладонью по кучке окурков и пепла.

– Ксюха, ну ты и стерва, – потерянно пробубнил «сталкер». – Дрянь.

– Скажи спасибо, что не врезала. – Кисло ухмыляясь, Ксюха открыла дверь. – Еще раз ко мне подкатишь, я эту пепельницу об твою балбеску в куски раздолбаю. Коз-зел... вали отсюда, сталкер хренов.

– Я что-то ничего не понимаю, – признался я. – Что тут у вас делается?

Ксюха взглянула на меня уже совсем другим взглядом. Оценивающим и внимательным. И я не заметил того отстраненного презрения, с которым меня встретили буквально две минуты назад.

– Да этот марамой по всей общаге растрезвонил, что он крутой сталкер, старатель типа, в Москву ходил. Фотки показывал, все дела. А я-то думала, как это может быть? Койот, типа такой крутой, и вдруг к коменде уборщиком за хату устроился. Мне все трындел, что до следующего выхода он тут, а дальше пойдет хрусты зашибать на квартиру. Меня с собой взять обещал... Тапок... хи-хи...

– Кажется, начинаю врубаться... – Я осмотрел всю небольшую и жутко грязную комнату, отметив про себя склад бутылок под диваном, тяжелый табачный дух и горку посуды с давно присохшими объедками. – Где Егор?

– Егорша? Обсос... – Ксюха бросила докуренную до самого фильтра сигарету прямо на пол, пошарила в пустой пачке и с сожалением отправила ее вслед за окурком. – Курить есть?

– Не смолю.

– Ага... боксер по плаванию. Ну и правильно, что не дымишь... симпатяга. Не люблю, когда парни курят. А на фига тебе Егор?

– Брат.

– Хм-м... а вы че-то не похожи. – Ксюха подошла ближе и словно ненароком прикоснулась бедром, проходя к столу. – Вот уж не думала. Короче, пережрал твой Егорушка. Блевать изволит в сортире, если не заснул там же. А ты че, и вправду сталкер?

– Тапок раззвонил? – Ну, тварь... предупреждал ведь дурака. Придется с ним, так сказать, пообщаться, и для него эта беседа будет очень неприятной. Очень.

– Ага. – И снова этот взгляд. Неприятный и оценивающий. Терпеть не могу...

– В некотором роде, – буркнул я, давая интонацией понять, что к развитию темы не склонен.

– И реально смахиваешь. Точняк. Да еще и симпатяга. Может, познакомимся?

Я промолчал.

– Очень приятно, что ты Фрилансер. – Девушка кивнула, словно я представился. – А я, значит, Ксения. По фамилии, если интересно, Николашина. Очень, очень приятно. Для своих – Ксюха, Ксана, мне лично нравится Зена. Если назовешь королевой воинов, в рожу плюну... хи-хи... че-то ты грустный. Накатить для настроения не?

– А, черт с ним. Давай. – Настроение впрямь было неприятным, и, хоть и ощущал я некоторую брезгливость, все же согласился. Зена, впрочем, подошла к шкафу и достала чистый на вид шестигранный стакан с толстым дном. Из того же шкафа появилась бутылка виски, причем, по-моему, недешевого – удивительно даже...

– Джек Дэниэлс сингл баррел. – Ксюха подбросила и ловко поймала бутылку. – И не спрашивай откуда. Лед класть?

– Не помешает, – кивнул я.

– А вот и хренушки, не угадал. – Девушка пожала плечами. – Холодильника у нас как бы нет. Придется без излишеств.

Я взял стакан и в один глоток выпил пятьдесят граммов спиртного. Ух-х... я определенно не ценитель виски. Не знаю, что уж в нем находят особенного, натуральная самогонка. Да еще и теплая.

– Еще надо?

– Нет, спасибо. Нам еще сегодня в деканат топать, не хочу, чтоб выхлоп остался.

– Ну... это вряд ли. – Ксюха усмехнулась. – Егорушка не в том состоянии. Придется... переночевать. Оставайся, ну?

– Спасибо. В машине посплю, мне так привычнее. Плохо высыпаюсь на новых местах, знаешь ли.

– Как хочешь... – разочарованно протянула девушка, и я заметил, что в ее оценивающем взгляде появились искорки. Заинтересованные такие, липкие огоньки. Тьфу ты, черт. Не отказался бы я пообщаться с женским полом, скажем так, плотнее, вопросов нет, но не в данном случае. Вызывала у меня эта... Зена резкую антипатию, хотя, если бы не болезненная эта бледность и слишком уж выраженная худоба, была бы деваха симпатичной. Допускаю даже, что красивой, вполне возможно, и сейчас Ксюха пользуется популярностью, ухаеры у нее явно имеются, ну или имелись до недавнего времени. Но вот не нравится она мне совершенно, особенно взгляд этот липкий и манера разговора.

– Ты, если что, заходи, Фрилансер. Всегда рада видеть.

И подмигнула. Тьфу ты, ч-черт...

– Лады. Как только, так сразу. – И я поспешно вышел из жестоко прокуренной комнаты.

Брата я нашел в туалете. Как Зена и говорила, дрых товарищ, положив голову на край унитаза. Отпустил Егорушка патлы, имелись в комплекте к ним и тонкие, словно выщипанные усики и несколько длинных кудрявых волосков на подбородке. Патлы отмокали в унитазе, который, к счастью, выглядел чистым, да и рвало братца, видимо, в соседней кабинке – оттуда несло кислой вонью. Не лучше пахли и забрызганная кожанка вместе с модными, в мелкую

складку джинсами. Я брезгливо попинал тело и понял, что и в еще одном права Ксюха – сегодня посещение декана точно откладывается. Попросив в соседней комнате ручку и листок, я написал записку и сунул ее за отворот Егоровой кожанки.

«Простисься, приведи себя в порядок и спускайся вниз. Я в машине, жду. В деканат поедem, скотина».

И перед уходом не сдержался, двинул ботинком чуть ниже спины, от души так двинул, и Егорушка пьяно замычал, шевеля ногами и сползая с края унитаза. С-сволочь... ладно мать не видит. И хорошо, если братец не сболтнет по телефону или в письме, что старшенький-то, Славушка, не в конторе риэлтором работает, а бандитствует, ну, в смысле, сталкерит. Не заржавеет ведь у него... эх-х, гнуть ему в душу, Тапок, гадюка такая, трепач чертов, Койот недоделанный. Не люблю я таких болтунов, столько проблем от них в жизни, да и сам ты, Ланс, хорош, не умеешь выбирать правильных людей, так и не гунди теперь. Жаль только, что большая Земля, а занесло его именно в эту общагу. Судьба моя такая счастливая, не иначе. Везет по жизни.

Не особенно удобна «Нива» в качестве спальни, но я уже привык – считай, второй дом, только на колесах. Не без труда устроившись на сиденье, так, чтоб не затекали согнутые ноги, я укрылся дырявым, но теплым одеялом из верблюжьей шерсти. Сон не шел. Лезли разные мысли, в том числе о том, насколько чаще стал ты встречать пьяных, опустившихся и озлобленных людей после Катастрофы. Словно вся чернота, у кого какая была, наружу вылезла. Страшно жить, ребята. Кто от этого страха прочь от Москвы рванул, заранее, не дожидаясь, пока Зона отхватит себе новые куски земли. Кто остался и либо тихонько, про себя так, боится вечерами в квартире, либо от страха вечного, от того сюрра, что вокруг творится, зачерствел, озлобился, корой покрылся. Давно ли ты, Лансер, видел нормальную человеческую улыбку? Хотя... а надо оно мне? Ну, в самом деле? Словно ты когда-то раньше верил в эти самые нормальные улыбки...

Даже здесь, за километры от МКАД, Зона чувствовалась настолько явно, что я даже поежился. Улица почти пустая, огней в домах мало совсем, да и то, пока лежал в машине, свет отключали минимум раза три. По неделе без воды – тоже привычное уже дело. Горячую вообще отключили год назад. Холодная – с перебоями. Автобусы, считай, не ходят, отменили большинство рейсов. Магазины еще кое-как работают, но и то закрываются один за другим. Подмосковье пустеет даже несмотря на то, что к Городу стекаются самые разные люди. Официально – ученые, военные, особый Центр работает круглосуточно, экспедиции, исследования. И неофициально – наш брат сталкер, причем публика эта очень пестрая. Есть что-то вроде элиты – в Москву ходят, да не за обычным барахлом, а за особыми артефактами, или артами, хотя, по науке, вещицы эти к изделиям рук человеческих отношения никакого не имеют. Ученые их анобами зовут – сокращенно от «аномальные образования». Случалось и мне находить такие вот штуки и даже выйти на скупщика, но серьезного товара мне пока не попадалось – может, оно и к лучшему. Есть наемники вроде меня – всегда найдется человек, которому что-то нужно принести из Города, информацию какую или вещь, документы там. Фриланс, в общем. Ну и птички свободного полета – ходят в Город сами. Много еще в Москве магазинов с бесхозным уже товаром, складов на не сильно загаженных разной аномальщиной территориях. Чего греха таить – много еще квартир с разным добром, случалось в них заглядывать, хотя последнее, честно говоря, мне совсем не нравится, отдает банальным воровством. Так-то да, ученые почти уверены в том, что Зона в Москве, мягко говоря, надолго, и жителям вернуться в свои дома не светит. Ученые... ага. Легки на помине.

По улице медленно ехала зеленая «Газель» с эмблемой ЦАЯ на борту. На крыше микроавтобуса крутился знакомый локатор-«чебурашка». Сканируют, понятное дело. Не нравится мне только, что так далеко от Москвы катается научная машинка, неспроста это. Эх... видно, небезосновательно господа ученые предполагают очередное расширение. Ботан говорил, что нехороший такой слушок бродит по коридорам Центра, что Зоны, высыпавшие на теле пла-

неты, имеют неприятную тенденцию соединяться в сеть, и «чистой» земли в скором времени может остаться всего ничего. И трещат их ученые головы в поисках выхода из ситуации, да только толку от всех этих мозговых штурмов ноль. Как не знали ничего про Зону, так воз и ныне там – Гена, поправляя очки, хмыкал, что она, поганка эта, непознаваема научными методами. По крайней мере пока непознаваема, современной нашей наукой. И ведь в чем самый смех – ученые вовсю пользуются аномальными образованиями, научились путем проб и ошибок, и пользы от этих самых анобов море. Однако ни один, что интересно, светлый ум так и не разобрался в том, как эти самые объекты устроены. Да что ученые – и народец поскромнее применение разным аномальным штукам находит. Месяц назад толкнул без малого литр «сиреновой кислоты» за сотню тысяч одному достаточно мутному субъекту. Не понравился мне этот странный дядя категорически – что-то натурально змеиное было и во взгляде, и в движениях, даже в волосиках блестяще-прилизанных. И хоть утверждал Ботаник, что дядя этот мало того что англичанин, так еще и сотрудник одной европейской косметической фирмы, а слизь аномальная – очень ценная добавка к безумно дорогому омолаживающему крему, я как-то не поверил. «Сиреневая кислота» ежели на кожу капнет, то сначала ожог с пузырями, а потом нарост вылезает, синевато-пурпурный такой гриб из болезненно разрастающегося мяса, – видел я такое на одном бедолаге, врагам не пожелаешь. И как понимать прикажете «омолаживающий крем» с этакой дрянью? Высказал я это Ботанику, а тот хмыкнул, в свой компьютер вперился, пощелкал клавишами. Говорит, смотри, мол, бабуле семьдесят. А на фото реально тетя максимум лет сорока, и ни одной морщинки. И крем «Anomalic simbiderm», маленькая такая баночка за семь тысяч евро, от силы в ней грамм пятьдесят, не больше. А Гена улыбается и говорит, что моей килограммовой банки с «сиреновой кислотой» хватит на сотню таких кремов, и «змей», англичанин тот, нелегал, контрабандист и профессиональный рисковщик шкурой, специально прилетал за моей добычей – Ботаник с ним отдельно договаривался. Жмот оказался британец, сто тысяч всего дал, такую мину при этом скорчив, словно мы его до нитки разорили. Медленно так, аккуратно отсчитал бумажки, которые вскоре на долги и разбежались. Знал бы раньше, сколько на самом деле стоил мой товар, за сотню не отдал точно, всю бы наличность с буржуя стряс до последней копейки, в долги бы его, подлеца, загнал. Кстати, фирма та, как и следовало ожидать, с ЦАЯ сотрудничает, спонсирует, так сказать, наших профессоров с академиками. И учитывая, с какой скоростью прискакал «змей» за моей банкой, наши расценки ему понравились больше профессорских...

Когда машина ученых проезжала мимо моей «Нивы», я слегка напрягся. Была и у меня штукovina из Москвы, и кто знает, насколько чувствителен локатор «Газели» к отдельным вещцам. Под сиденьем лежит у меня небольшая саперка, внешне самая обычная армейская лопатка с деревянной ручкой. Единственно, дерево потемневшее и на вид глянцеvитое, да металлические части чуть заметно серебруются на солнце. Острая, зараза, наточил я ее душевно перед тем, как в аномалию одну интересную бросить вместе с пятью «заказными» ножами и длинным кавказским кинжалом – подарком для одного крупного бонзы из какой-то этнической группировки. Полежал там мой инструмент где-то с месяц, пока не перестало поблескивать в воздухе, да мелкая рябь на песке не улеглась. Потемнел металл ножей, насыщенный непонятной энергией, засеребрились линии заточки, над которыми поработал мастер, специально приглашенный оружейник. Потому что клинки эти после воздействия «горна» переточить или подправить уже не выйдет. Редкая аномалия «горн» этот и весьма смертоносная – сворачивает кровь в жилах еще на подходе к редким проблескам в воздухе, лопается кожа, и через сутки от человека остается высохшая до звона мумия. Но что сталкеру смерть, то разным металлам, похоже, жизнь, и очень долгая. Дерево и пластмасса, конечно, не укрепляются настолько хорошо, как сталь, однако деревянная ручка по твердости стала словно гранитной, даже звенит при ударе. Что же касается самой лопатки... один только раз свернул я на ней заточку, совсем чуть-чуть. Рубанул рельс, от души и с большим замахом. Расстроился крепко

– видно было, что чуть скосило кромку лопатки, пустяк совсем, как резала она, так и режет. Но решил больше не экспериментировать. Зря беспокоился. На следующий день от загиба и следа не осталось – выправился металл. Хороший получился инструмент. Скажем так, многоцелевой. И двери я им выламывал и прорубал, и землю копал, и в качестве топора использовал, и, думается, от какой-нибудь ходячей гадости лопатка моя тоже сгодится в лучшем виде. Продать хотел ведь, для этого и кидал в «горн», знал, что хорошую цену за «саперку» дадут, – знал я не понаслышке, в какую деньгу аномальные ножи влетают. Шиш теперь, не продам. Как там в одном мультфильме говорилось? «Такая корова нужна самому», ага.

Если и «аномалила» моя саперка, то локатор этого излучения не уловил. Укатали ученые. Я снова попытался заснуть, и получилось это не сразу. Сон пришел только в третьем часу ночи.

* * *

Братец появился утром, довольно рано – на часах не было пяти и едва начало светать. Молча открыл заднюю дверь, плюхнулся на сиденье и закрыл лицо руками. В зеркало было видно, как он слегка покачивается, и время от времени я слышал мощные «ики», сопровождаемые короткой отрыжкой, и тихие стоны. Егорушка страдал.

– Что-то ты рано, лишенец, – буркнул я недружелюбно, с неудовольствием чувствуя, как меняется в машине чистота воздуха и почему-то запотевают стекла. – На твоих вчерашних дрожжах мы, друг, к декану не поедem. Отсыпался бы еще.

– От... вали... с-с... тихо, блин. Не ори... – еле слышно простонал страдалец, согнувшись так, что локти уперлись в колени.

– Много чести на тебя орать. Салон замараешь – уничтожу.

– Все равно... г-громко... пошел ты, придурок....

– Ну скотина же ты, Егор. Ну как тебя везти? – Вопрос я озвучил уже для себя, не рассчитывая на ответ, но Егорша услышал и даже, кажется, хихикнул.

– А не надо. Е... есть такой лисиц. Называется песец, понял? Усе, братан, не парься. Я сам от... отчислился, хе-хе... короче, песец...

– Ты что несешь?

– Смех и радость людям... о-о... башка...

– Да твою-ж мать! – Я в тоске стукнул ладонями по рулевому колесу. – Как?

– Слу-ушай... не ори... давай по... потом расскажу. Хреново...

Хреново ему, скотине. Ладно. Сейчас будет хуже. В глазах немного потемнело, когда я рывком открыл дверь, обошел «Ниву» и выволок Егорушку на свежий воздух. Не пойму, как оно получилось, ведь специально настраивался на мирный, понимаешь, диалог. Но получилось. Придерживая братца за ворот, я сунул ему кулаком под глаз и, когда качнувшаяся назад патлатая голова вернулась в исходное положение, добавил размашистую затрепщину. Егорушка сначала глухо взвыл, а потом вдруг захихикал, потирая ушибленную скулу.

– Я че-то не врубаюсь, Слава, ну хрена ли ты стараешься? Отвалил бы ты уже от меня, так задолбал, что сил нет... Какого ты вообще сюда приперся, братец хренов? Ждал я тебя, мудака? Как же я тебя, мразь, ненавижу... выродок...

– Как ты отчислился? – повторил я вопрос, и, видно, что-то в моем голосе подействовало. Егор успокоился, по крайней мере прекратился его пьяный гыгыкающий смех.

– Просто. Пришел в деканат и объяснил всем этим козлам, на какой именно болт я их навинчиваю со всеми их левыми семинарами и сраными курсовиками. И что диплом их долбанный разве что вместо особой бумаги годится, да и то дороговато получается. И жестко, кстати...

Я глубоко вдохнул и выпустил ворот грязной «косухи». Егор сполз на землю и уселся возле колеса, широко расставив ноги и снова обхватив голову руками.

– Сука... сам себе с бодуна по роже как-нибудь втащи... а еще лучше – об стену разбегись.

– Предкам сообщил?

– Я че, debil? Не... меньше знают – крепче спят. Не в курсе они, а телефон общажный еще на той неделе обрубили. Почта пока пашет, да мне запаadlo с письмами возиться... а то бы написал, в какой конторе мой любимый старший брат работает. Это... риэлтор, нах. В Москве, понимаешь, фрилансит, бха-ха... о-ой...

Рухнула последняя надежда на то, что Егорушка по пьяни не забыл болтовню моего злокачественного напарничка. Тоскливая злоба на моем лице была, видимо, настолько явной, что братец ехидно ухмыльнулся и с прищуром глянул на окна общежития.

– Ты смотри, в натуре знакомы, – с протяжным стоном пробубнил Егор, делая попытку встать. – А че будет, Слав, ежели я того... телеграммку пошлю? Типа, меня отчислили, а ты вообще... сталкер. Ништяк новости нашим шнуркам будут? Хе-хе... хе... представля-аю марлезонский балет в исполнении мамани с папаней. Это будет... драма...

– У матери уже два инфаркта, придурок... – устало выдохнул я.

– Она тебе не мать, – буркнул Егор. – Пора бы уже всосать за столько-то лет. Я вообще не врубаюсь, че ты до сих пор в нашей семье забыл.

Я промолчал.

– Да, чуть не запамятовал... квартирка-то моя полностью, ага. – Егорушка, натужно икнув, убрал от лица руки и мутно взглянул на меня снизу вверх. – Ты, лошок, не в доле. Это так, для поднятия настроения. Можешь дальше на задних лапках танцевать, у тебя офигенно получается. Опытный ты в этих делах, чувак.

От темной, помутившей рассудок ярости я даже немного покачнулся и, чтобы не наде- лать грехов, отошел от машины. Вдох, выдох. Неплохого вы себе сына вырастили, тетя Тоня, Антонина Александровна. Благодарного, внимательного и доброго. Вон как о вас заботится...

И вспышка прошла, я снова взял себя в руки, подавив ярость. Но вот обида осталась, черт возьми. Плевать на квартиру, не в ней дело, я, в общем, и сам бы в будущем отказался от доли. Уже думал о том, что свой угол найду, заработаю, не вопрос. Не жалел я ни капли. Укусило другое, и очень больно так укусило. Не сообщили даже, не посоветовались и не извинились, мол, так и так, Слава, надо бы нам жилплощадь Егору оставить, сам понимаешь. И я бы без проблем согласился – факт. А тут... без меня уже все решили. И не сообщили ничего, словно посторонний я им и уже точно лишний в семье, которого даже в известность ставить не надо. Не спросили, не обговорили, а так – втихаря и по-быстрому, чтоб я раньше времени не узнал. Обидно. Обидно до кома в горле и неприятного, саднящего чувства в груди. Может, врет Егор? А вдруг? Я посмотрел на сидящего братца. Да нет, шиш... трепач и лжец Егорушка, каких поискать, однако точно я знаю, что правду он сказал. И не просто сказал, а специально до случая ее приберег, давно держал – ишь как лыбится, несмотря на похмелье и пару моих зуботычин. Я даже почти услышал, как Антонина Александровна говорила ему, что, мол, ты, Егорушка, только учись, мы уж квартирку-то на тебя переписали, ты не думай. Человеком только вот вырасти, за ум возмись, не дури, сынок. Вот он и вырос и не дурит.

И мысль такая у меня мелькнула. А какого ляда, собственно, я с этим придурком вошка- юсь? Ты же, Ланс, так свободу ценишь, ну и вот она, вольная воля, вольнее некуда. Единствен- ное, что у тебя на шее висело, так это Егорка, за которым чуть не сопли подтирать всю жизнь приходилось, а теперь ты вроде как и чужой им всем стал. Долги мои все выплачены, обещал последить – последил, даже в вуз устроил. То, что я не в семье, понять дали. Все!

И сладкая, заманчивая мысль подойти к машине, пинком отшвырнуть Егорушку и, дав по газам, просто уехать. Но... не пустило. Не смог. Потому что вспомнил больничный запах, бледное, помертвевшее лицо тети Тони. И капельница с тонкой прозрачной трубкой, впивша-

яся в сгиб полной руки, я почему-то смотрел только на нее, все думая, что это, должно быть, больно, ведь голос так тих, и под глазами глубокие тени.

«Посмотри за ним».

«Хорошо, Антонина Александровна, я постараюсь».

«Обещаешь?»

«Да, обещаю».

Считал я, что обещание давно выполнено, а все равно был уверен, что новости обо мне и Егоре в лучшем случае уложат тетю Тоню в больницу. И хоть не чувствовал я любви, почти не чувствовал, однако уважение и благодарность никуда не делись. Не совсем ведь чужие люди, и, несмотря на последние новости, я до сих пор считал, что семья у меня есть. Не смогу я развернуться и уйти не потому, что обещал, а просто потому, что не получится потом заснуть, заедят мысли. Однако тогда будем думать... Я присел на корточки возле Егора.

– Восстановиться никак?

– Ага, шас. – Егорша сплюнул и снова сильно икнул. – Зашибись они меня восстановят после моего концерта. Да я и сам не вернусь. Манал я всю их бухгалтерию. Ненавижу сук.

– Он, типа, мужик, – слышался сверху голос, и я увидел в окне общежития Ксюху. Девушка курила и с интересом посматривала на нас. – С Тапком познакомились и разговорились. При мне было дело – Тапочек, видишь, ко мне клеился и крутость показывал, придурок. И Егорка с ним... кстати, привет, чувак. Не сиди на земле, хозяйство отморозишь.

– Привет. А дальше что?

Ксюха улыбнулась, талантливо сделав на щеках почти симпатичные ямочки.

– Ла-анс... Привет... А дальше? А дальше Егор такой говорит, что сам тоже хочет сталкером стать. Ну, типа поспорили они, что студент наш учебу не бросит, слабо, а просто выпендривается... Ты ведь выпендривался, Егорушка?

– Заткнись... – тихо прошипел Егор, так тихо, чтобы не услышала Ксюха.

– Нажрался, взял студенческий и в деканат пошел, – равнодушно продолжила девушка, стряхивая пепел. – А потом такой выходит и говорит, что, оказывается, не слабо. И Тапку готовиться сказал к выходу в Москву. Они горячим закупились и недели две у меня готовились, алкоголики хреновы. И не то чтобы задолбали, но надоест успели, клоуны. Когда в рейд пойдешь, Егор? Тапок про тебя уже спрашивает, одному похмеляться скучно.

– Он что, у тебя в комнате? – хрипло поинтересовался братец, прищулив глаза.

– Шиш ему. В коридоре бухает. – Ксюха пустила дымное кольцо. – Расстроился, переживает. Прикинь, прощения просил – за то, что Тапок, а не Койот.

Девушка прыснула в кулак, выкинула окурок и сладко потянулась.

– Он там еще? – спросил я.

– Ну, так.

– Ты, Егор, посиди тут. Сейчас вернусь.

Тапка я нашел на подоконнике. Товарищ грустил. Рядом стояла полупустая бутылка с портвейном.

– Зда-рова, Лансер... Ты вот мне скажи, на хрена ты вчера Ксюхе разболтал...

Я молча выхватил бутылку, крутанул ее в руках и «винтом» вылил скверное вино прямо на макушку бывшему напарнику. Тот удивился так, что, фыркнув, выпучил глаза и молчал все время, пока поило булькало в жидких волосах и струями сбегало на клетчатую рубашку.

– Э-э... ты че? Ты в натуре охренел, паскуда? – выдавил он, когда я аккуратно вытряс последние капли. – Я тебя шас...

– Что ты меня шас? – Я, ухватив Тапка за ворот, сбросил его с подоконника на пол, об этот же подоконник расколотил бутылку и поднес «розочку» к разом побелевшему носу. – Ну?

Бедняга заблеял и сделал неуверенную попытку вырваться. Пришлось двинуть коленом.

– Мы с тобой, сучий потрох, договаривались не болтать? Договаривались, тварина?

Тапок снова попробовал вывернуться, но я держал крепко.

– Было? – Я повторил вопрос, жестко придавив бывшего напарника к грязному заплыванному полу.

– Угу...

– Говорил, что это лютая подстава, идиот?

– Ну, говорил...

– Первое и последнее предупреждение. – Я отбросил «розочку» и, подкрепляя каждое слово увесистым тумаком, продолжил: – Если узнаю, что ты еще где-нибудь заикнешься о том выходе или просто вспомнишь мое имя, удавлю как поганую суку. Ты меня понял?

– Ну...

– Не слышу!

– Понял я все.

– Ну, вот и замечательно. А вот это тебе особая благодарность за братца. Напоследок, так сказать.

Я поднял Тапка за шиворот и от души двинул ему в челюсть. Бывший «сталкер» с коротким воплем отлетел к стенке, затем что-то злобно, но очень тихо пробурчал. Должно быть, угрозу, но мне уже было не до него.

– А ты крут, – негромко и задумчиво сказала Ксюха, которая, похоже, наблюдала за нами в течение всего «разговора». – Фига себе... Короче, я тоже все поняла. Болтать не буду.

– Молодец. Приятно общаться с догадливыми людьми. – Я кивнул, чувствуя некоторое облегчение от того, что не придется объяснять все еще и Ксюхе. Разумеется, рукоприкладства ни разу не планировалось, но мне было бы сложно объяснить девушке, почему про знакомство со сталкерами лучше помалкивать. Надеюсь, все было достаточно наглядно... Однако я в любом случае засветился. Палево состоялось, как обычно выражается Ботаник. Нежелательные люди в курсе моего рода занятий, видели меня в лицо и знают по имени, и, что особенно паскудно, все знает и братец. И это очень даже может всплыть – хорошо, если без последствий. Черт... Надо бы залечь на некоторое время, воздержаться от вылазок в Город хотя бы на пару месяцев. Неприятный расклад. И да, никаких напарников больше.

– Ланс... постой.

– Да? – Я обернулся.

– Возьми меня с собой... туда...

– Нет. Извини, Ксюха. И лучше забудь про нашу встречу.

– Забыть? – Девушка пожала плечами и вздохнула. – Попробую, но это вряд ли выйдет. Со мной точно не получится, да?

– Точно.

– Жаль... – Ксюха сказала это едва слышным шепотом и опустила глаза. Недокуренная сигарета ударилась о стенку, и девушка, опустив плечи, поплелась в свою комнату.

Ч-черт.

Вот надо было ей, заразе, это спросить. А я ведь думал, что отпустило меня давно.

И вдруг все почернело. Я даже вяло удивился своей реакции, что настолько раскис, почему вдруг так погано стало на душе, что хоть вой. Ох, надо было мне подойти к этой дуре и дать по шее по-взрослому. Нельзя с девками так, конечно, но это особенный случай. Не смог, не врезал.

Просто подошел и, жестко ухватив за шею, прижал к стене. Ксюха задавленно пискнула, широко раскрыв глаза от неожиданности и удивления.

– Никогда, слышишь? Никогда даже не приближайся к Москве, дура. Никогда вообще. Выкинь из своей глупой головы даже мысль такую. Ни сама, ни с кем-то другим, пусть он будет хоть трижды суперсталкер. В Зоне бабам не место. Умирают они там. Ясно тебе? Умирают! Насовсем!

И, не дожидаясь ответа, я оттолкнул девушку.

Слишком много для меня на сегодняшние сутки, вот честное слово. И бабки те с поджатыми губками и презрительными взглядами, и братец Егорушка со своим вечным презрением и ядовитой ухмылочкой, и вот эта дура местного розлива, которую то ли под алкоголем, то ли под природной дебильностью на приключения тянет. Катись оно все к чертовой матери. Сегодня снова не засну. И если так и дальше пойдет, то нужно мне будет от спиртного держаться подальше, а то, глядишь, и привыкну тоску глушить этим паршивым и незамысловатым способом. Видел я людей, через Зону алкоголем порченных. Спасибо, мне так не хочется.

Я даже имени ее не знал, той девушки в составе небольшого отряда, и до сих пор ведь не знаю. Встретились мы на пересечении Ярославки и Кольцевой, тогда еще, когда Зона до тех мест уже доползла, но напакостить почти не успела. Три человека и она, молоденькая совсем девка, которую напарники звали Челкой. Так я и не попытался, как ее зовут на самом деле, – девушка на эти вопросы молча улыбалась и качала головой. И так ясно вижу это сейчас, словно только вчера мы встретились. Всего одна ночь у костра, совместный ужин, и надо было бы выспаться, но просидели мы у огня до самого рассвета, пока дрыхли ее попутчики, довольные тем, что не нужно дежурить. И мы разговаривали. Обо всем. Я даже не помню тем, но до сих пор осталось то ощущение мягкого, душевного уюта в сердце, того приятного света, что буквально исходил от Челки. Помню тихий голос с легкой, симпатичной такой хрипотцой, теплую улыбку, искренность и честность слов. Как тайком засматривался на нее – миниатюрная, нос курносый, из-под камуфляжной бейсболки прядь темно-русого цвета, действительно Челка. Сталкерша, еще из той Зоны. Коля Шелест, нелюдимый и подозрительный парень, отозвал меня в сторонку тогда, перед ночевкой, и тихо сказал, чтоб не лез я к девушке. Мол, муж и напарник у нее погиб, хороший человек, и потому Челка из той Зоны ушла, плохо ей до сих пор. И если вдруг я к ней подкатить вздумаю, то пусть не обижаюсь. Объяснил я, что и в мыслях не было, и вроде успокоились они, хотя все равно косились. И, Зона побереи, как же интересно было с ней разговаривать всю ночь напролет, как уютно у костра за неспешным разговором и кружкой крепкого, пахнущего дымком чая. Расстались мы на рассвете – я шел проведать возможные пути к Ботаническому саду, а они повернули в сторону ВДНХ. И видно было, что всю команду вела именно она, невысокая девушка в сталкерском защитном комбезе, и очень мне хотелось, чтоб дорога была им гладкой. И, когда уже начал я подзабывать о той встрече, какой-то старатель, Серый вроде, нашел Челку на ВДНХ – с серверов ЦАЯ Ботаник новости скинул со свежими «крестиками». И я еще минуту думал, что имя знакомое вроде, и, когда вспомнил, долго сидел на кровати замороженный, тупо глядя в стену и вспоминая открытое, приветливое лицо, негромкий голос и прядь волос. Понял я, что именно тогда погибла девушка, после нашей встречи. И если раньше почти не вспоминались Челка и ночь у костра, то теперь, особенно перед сном, накатывало на меня едкой горечью, и казалось, что, пойдя я тогда с ними, может, что-нибудь и исправил, вдруг как-то бы, да помог. Был я, конечно, в то время совсем зеленым, да и сейчас недалеко ушел. Челка же, если верить Шелесту, ту самую, первую Зону прошла, но все равно, чем больше я думал, тем больше мне казалось, что получилось бы помочь, спасти, и кто знает, не одну ночь после этого мы бы у костра провели и обо всем самом нужном поговорили. Ведь только познакомились мы тогда, а уже остро не хватает мне тех, по-настоящему честных слов, улыбки и прямого, доброго взгляда. Не надо девушкам в Зону. Нельзя.

– Живи, Зена. Просто живи, ясно? – И самому вдруг противно стало от фальшивого своего пафоса, вымученного словно в извинение. Неправильно вот так. Как-то даже оскорбительно для памяти Челки. Кто была она и кто вот эта, прокуренная и пропитая девка с липким взглядом и интонациями дворовой шпаны. И пустой, мутноватый взгляд, почти физически мазнувший мне по лицу, вывернулась, дернула плечом. В Зону ей. Как же.

– Да уж как-нибудь. Спасибо, чувак, на добром слове, я постараюсь, ну. Ариведерчи.

– Бывай.

И прочь из этого гнилого и провонявшего здания. Душно здесь. И мыслишка – не зря ли оставил Егорушку рядом с машиной, ключи-то в замке, да и деньги, по ходу, там же, кошелек в «бардачке» лежит – вот ведь дурацкая привычка при себе его не держать. Поэтому сбежал я по лестнице вниз достаточно бодро, но все равно не успел. «Нива» на хорошей скорости уже уносилась прочь по шоссе, при этом немного виляя из стороны в сторону.

Все.

Сев на асфальт, я с чувством, толком и расстановкой выматерился в голос к вящему неудовольствию бабули-вахтера. Как добираться до Ботаника без копейки денег, я не представлял – не те времена, чтобы рассчитывать на доброту водителей попутных машин, электрички и автобусы давно не ходят – Москвы как города нет со всеми его вокзалами и маршрутами. Да и голодный – со вчерашнего дня не ел, легкий «перехват» всухомятку за обед не считается. Ладно, Ланс, успокойся. Авось да либо, как-нибудь доберемся. Немного успокоившись, я встал, отряхнул джинсы и, подмигнув насупленной вахтерше, пошагал в сторону «дома». Интересно, как Ботаник отнесется к моему статусу бомжа – по закону, конечно, я имел право на часть жилья, но и «родители», и братец, зная мой характер, понимали, что мне будет невыносимо до тошноты выяснять отношения и таскаться по судам. Что ж, тут они правы. Да и к лучшему это. Seriously, к лучшему. Свобода, пусть даже в таком статусе, стала полнее. Тяготила меня «обязанность» присматривать за Егоршей – и только сейчас я начал понимать насколько. Все, ребята, обязанности мои все закончились. Если поймаю дурака, учить уморазуму не стану, просто пошлю куда подальше. С меня хватит.

Попутку удалось поймать только к вечеру, когда я уже отмахал пешком не меньше двадцати километров. Водитель-«дальнобой» подобрал меня, и очень здорово оказалось, что ему тоже в Видное. Я и спросил зачем, ведь там ни магазинов, ни производства никакого не осталось, да и город наполовину эвакуирован, Зона в полукилометре уже от Школьной улицы, хотя вроде за целый год ближе не подползла. А я, говорит, и не товары вожу. Эвакуация в Видном уже полным ходом идет, вот и заработок – за один рейс можно две квартиры с мебелью перевезти куда просят, фура большая. Дорого, но желающие уже в очередь выстраиваются. Такими делами, мол, через год стоимость машины покрыть можно. Попрощался я с ним, а он рукой махнул и говорит, бывай, мол, сталкер, будь там аккуратнее. Ничего не ответил на мой вопрос, почему это я сталкер, подмигнул, дверь захлопнул и поминай как звали. Догадался же как-то...

* * *

– Плохие новости, Лансер.

– И я рад тебя видеть, Бот. – Не разуваясь, я протопал в спальню и с размаху рухнул на диван. – Выкладывай. Меня уже мало чем добьешь.

– Встретиться с тобой... с нами хотят. – Ботаник грустно взглянул на меня через стекла очков, тихо вздохнул и пододвинул табурет. – Ты в курсе, что тот район, где ты альбомы искал, под группировкой находится?

– Чихал я, Геныч, на все их блатные разделы и границы, ты же знаешь. Мне дела нет, что какая-то левая шпана между собой что-то там разделила. Сколько ни хожу, ни одного... реального пацанчика ни разу не видел. Вояки – да, иногда лазают, но и то из-под палки. Эти же только на границах иногда шакалят.

– Ну, это да... Я сам тебе работу эту подыскал, чтоб ее... Ну, короче, те бабули с музыкантом нажаловались на тебя Саше Корейцу. Дядя этот серьезный на самом деле, у него дела не только с Зоной. А под Корейцем есть такой Паня Закос, вот он и отвечает за тот район, где ты шурувал. Ну... как бы это... со всех старателей, которых знает, налоги берет.

– Продолжай, друг. Все веселее становится от твоих историй.

– Ну, вот они сегодня утречком ко мне и пришли, за пару часов, как ты явился. Сдается мне, что не только те бабушки на тебя стукнули. Кто-то еще тебя сдал, Ланс. Слишком уж быстро нашли. Кто-нибудь из твоих братьев по ремеслу знал, где ты бываешь?

– Знал. Тапок. Шлепанец чертов...

Шлепанец, ага. Дрянь мужик, вопросов нет. Мог заложить, но... Почему это у меня Егорушкина рожа перед глазами ходит? Вот подсказывает мне интуиция, что не без братца обошлось, догадываюсь я, куда именно он на моей машине поехал. А что Тапок, сталкер вонючий, его уже успел с хозяевами своими познакомиться, так это к гадалке не ходи. Таких вот Тапков они и доят, и стригут, а те им все новых баранов приводят. Тьфу на них. Глаза б мои на таких не смотрели.

– Понятно. Паршиво, друг. На тебя они крепко злые. Встречу назначили в кафешке «Южный бриз». Завтра, значит, в три часа.

– Не пошли бы они лесом, Бот? Отродясь я шпаны не боялся. Да еще и переговоры с ними вести...

– Не шпана это, Ланс. Бандиты. Поверь, лучше с ними... поговорить, пока предлагают.

– А то что?

– Убьют тебя, Слав. Эти могут, я справки навел.

– Какие еще справки?

– Да вот такие.

И Ботаник приподнял свитер. На боках и груди виднелись длинные, полосами, кровоподтеки – похоже, что досталось Боту резиновой дубинкой. И я только сейчас заметил, что верхняя губа Гены вздулась, а под носом подсохла кровь.

– Ну, ни фиги себе... ну, с-суки...

– Не дури, Ланс. – Бот вздохнул. – Не те дяди, чтоб на них с кулаками лезть.

– Не только кулаки имеются...

И... э-эх, черт. Ствол-то, обрез мой, в машине остался. И головой я уже понимаю, что не оружие это на самом деле, а мы с Ботаном отнюдь не Терминаторы. Предупреждал Ботаник, что рано или поздно прознает местная новоиспеченная «братва» о моих рейдах. А «налог» платить было для меня отвратно, и для себя я решил, что лучше уж шкурой рисковать, но ходить свободным. Ходить так, чтобы не видели меня регистраторы патрульных машин и не набивались напарники, каждый из которых может когда-нибудь сдать. Доходился. Эх вы, кошелки старые, «понимающие все реалии нынешнего времени». Нашли, кому пожаловаться на «вора». Только интересно вот мне, кто же Ботаникову квартиру сдал – Тапок или Егор? Кто?..

– Надо идти, Ланс. Ничего не поделаешь. – И Бот снова вздохнул, осторожно потрогав разбитые губы.

– У меня тоже новости, друг. – Я почесал в затылке, думая, как бы это помягче сообщить. «Нива»-то была куплена в складчину, специально для рейдов в Москву, причем Ботаник обеспечил примерно треть суммы.

– Я так понимаю, тоже хорошие?

– Замечательные. Егорушка, сволочь, машину угнал. Со стволом и деньгами до кучи. – В том, что вместе с деньгами уехала и моя любимая «аномальная» саперка, я не признался, хотя ее-то жаль было больше, чем деньги и огнестрел вместе взятые.

– За-ши-бись, – по слогам проговорил Ботаник и, невозмутимо поправив очки, ушел на кухню. Вот уж выдержка у человека – и побили, и оружием явно угрожали, машину угнали, деньги ушли, а он пошел спокойненько так чайник ставить. Мне бы такую нервную систему.

Как же все погано. Голодный я был после всех этих приключений, а кусок в горло не лез. Потихоньку доходила до меня вся картинка, и, признаться, предстоящий разговор с бандитами меня начинал пугать. Не сильно, но нервная дрожь появилась определенно, и места себе не нахожу. Надо поговорить, как бы при этом ни хотелось смыться куда-нибудь в полупустой

поселок и переждать все эти неприятности. Шиш там... весь московский периметр поделили шакалы вроде этого Пани Закоса, и ежели мы где объявимся, братки тут же по своим каналам сообщат, это у них схвачено. И машины нет... есть, конечно, шанс, что заберу я «Ниву», но, зная братца, я на это почти не надеялся. Или с концами пропадет, или в виде металлолома предъявит, хорошо, если сам не убьется. Впрочем, хоть бы и убился, достал уже, сволочь...

Ночь спал плохо. Не помог даже пузырек коньяка из заветной коробки. Не лучше было и Ботанику: я слышал, как он кряхтит и с трудом ворочается – на синяках спать удовольствие не большое. Накатывало временами бессильной и оттого ядовитой злобой – вот ведь гады. Не живется им мирно, нашли, кого трясти. Самим-то по аномалиям не с руки ходить, приспособились. Пострелять их? В мыслях оно все просто, как в американском боевике. Но вот как на деле? Даже и пробовать не хочется.

В «Южный бриз» мы пошли не к трем, а немного пораньше. Нас там, Впрочем, уже ждали. Трое коротко стриженных пустоглазых парней посторонились, пропуская нас в заведение, и снова заняли «пост». Один шумно выплюнул жвачку, и я почувствовал, как она стукнула по шее.

– Гы-гы-ы... Шуга красавчик... снайпер едренать, – гоготнул высокий детина в серой куртке. «Снайпер» выпятил грудь и изобразил культуриста. Троица загыгкала.

– Ну, че вылупился? Те репу расколоть? – поинтересовался Шуга, лыбясь щербатым ртом. – Эта, олень... взгляд попроще сделай, а то реально табло сломаю.

– Давай, топай, бле. – Высокий с силой толкнул меня в спину. – Чмо, бле...

– Орлы, ну что вы делаете... мальчики пришли сами, поговорить. Разве так встречают гостей? – спокойный, немного хриловатый голос из зала моментально прекратил смех, и «орлы», перестав лыбиться, снова начали методично перемалывать жвачку. Я осмотрелся. Кафе, за исключением пары мест у барной стойки, занятых все теми же коротко стриженными парнями, пустовало. Хозяева-армяне, которых я немного знал, тихо переговаривались в уголке и явно старались не привлекать к себе внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.